

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. ОГНЕННАЯ КРУГОВЕРТЬ

НАЧАЛО

Итак, свершилось. Война, о которой столько говорили в последнее время, которую боялись и в которую не верили, всё-таки началась. И, как теперь оказалось, началась совершенно неожиданно. Так всегда неожиданно приходит зима с её первыми снегопадами и гололёдами, к которым люди почему-то всегда не бывают готовы.

Рувим с трудом понимал, что ему говорила Лиля. Оказывается, о начале войны сообщил бригадир, который и сам толком больше ничего не знал. Всё местное начальство вызвали на совещание. Правление колхоза было заперто, и позвонить в город было неоткуда. Радио не работало. Никто из города не приезжал, и узнать, что происходит, было просто невозможно. Лилия успокаивала себя тем, что, если бы было что-то серьёзное, кто-нибудь из близких за ними обязательно бы приехал. Тем более, что и Прускины тоже на дачу не приехали. На семейном совете решили пока ничего не предпринимать, а утром Лилия поедет к себе в клинику, а оттуда в Могилёв, всё, как следует, разузнает, и потом уже можно будет действовать.

А пока день завершился спокойно. Никто из города так и не приехал. Валерик с Аллочкой демонстрировали Прускиным своего карасика и не мешали взрослым обсуждать различные варианты дальнейших действий. Местные крестьяне занимались повседневными делами. Казалось, что ничего существенного не произошло.

Утром Лилия уехала, попросив не спускать глаз с детей и пообещав вернуться на следующий день. Рувим увёл детей на полянку. Хена занялась подготовкой к отъезду. Внешне казалось, что мирная жизнь продолжается, но Рувим почувствовал, что в деревне произошли какие-то перемены. Ему всё время приходилось ловить враждебные взгляды со стороны крестьян. Руслан постоянно кружил вокруг поляны, и Рувиму требовалось быть всё время настороже. Даже хозяйка, ежедневно приносившая им молоко и всегда говорившая заискивающим голосом, на сей раз молока не принесла. А когда после вечерней дойки Рувим отправился к ней за молоком сам, она встретила его крайне нелюбезно и сказала, что вынуждена им отказать и что вообще не сможет впредь продавать им продукты.

Лилия приехала к середине следующего дня и принесла тревожные новости. Немцы совершили авиационные налёты на Могилёв. Есть разрушения. Повреждён ряд мостов, и Веню срочно направили на их восстановление. Лёва и Тоня получили повестки в армию. Они очень переживали, что не смогут попрощаться с Рувимом. Рекса они вынуждены были передать дяде Мише. По радио передают, что на всём протяжении Западной границы идут тяжёлые бои. В ряде мест немцы прорвали оборону и продвигаются в глубину территории страны. Лилия попыталась дозвониться к мужу в Минск, но безуспешно. Она считает, что надо срочно возвращаться в город. Но достать машину Лиле не удалось. Прускины, к которым она позвонила, тоже не могут это сделать. Поэтому, она предлагает больше не ждать, а искать транспорт здесь на месте. Она захватила все имеющиеся в наличии деньги и надеется, что сможет договориться с кем-нибудь из местных крестьян насчёт подводы. Её предположение оправдалось. Сосед хозяйки согласился отвезти их в Могилёв следующим утром. И женщины дружно принялись упаковывать вещи.

Рувим никак не мог понять, почему призвали в армию тётю Тоню. Лиля объяснила ему, что тётя Тоня в юности активно занималась спортом. Она хорошо бегала на лыжах, прекрасно стреляла и имела высокие разряды по спортивной стрельбе. К тому же, она окончила курсы Осоавиахима и состояла на учёте в военкомате.

Первый сюрприз неожиданно преподнесла Лёшина нянька Зина. Она объявила, что в Могилёв она не поедет, и попросила, чтобы её немедленно рассчитали. Она объяснила это тем, что она нашла здесь хорошего парня и решила выйти за него замуж. Расчувствовавшаяся Хена сполна с ней расплатилась и даже подарила ей одно из своих платьев.

Наутро, как и было обещано, крестьянин подогнал к дому подводку. Рувим с Лилей быстро погрузили на неё вещи, усадили Хену и детей, и двинулись из деревни. Всё время, пока шла погрузка, Руслан молча наблюдал за их действиями, держась на почтительном расстоянии. Потом он исчез. Хозяйка дома не мешала им собираться и не попрощалась, когда они покидали двор.

Дорога шла лесом, и крестьянин, Лиля и Рувим шли рядом с подводкой и наслаждались утренней прохладой и тишиной. Вскоре показалась линия железной дороги и вдаль послышался шум приближающегося поезда. Неожиданно из-за кустов выскочили Руслан и его дед, вооружённый топором. Дед подскочил к подводке и вырвал уздцы из рук растерявшегося крестьянина.

-Поворачивай! Дальше не поедете! - закричал он, размахивая топором.

-В чём дело? Кто дал вам право нас останавливать? - возмутилась Лиля.

-Отойди, сука! Хватит, напановались! Попили нашей крови, больше не выйдет.

Кончилась ваша власть! А вы - выметайтесь, а то жизни лишу! - крикнул он перепуганным Хене и детям.

Хена схватила детей и выбралась из подводки. Женщины и дети сгрудились у края дороги, прижавшись друг к другу. Рувим топтался рядом, раздумывая, что предпринять, но ничего разумного в голову не приходило. Справиться с вооружённым топором крепким мужиком ему было не под силу. В это время с переездом поровнялся поезд и одновременно над ним пронеслась пара немецких самолётов. Раздались взрывы бомб и стрекотание пулемётов. Затем самолёты развернулись и повторили атаку. Неожиданно, один из самолётов, сделал вираж и включив сирену, направился в сторону подводки и стоящих возле неё людей. Рувим первый увидел несущийся над самыми вершинами деревьев самолёт, бросившись к застывшим в ужасе женщинам и детям, затащил их в канаву, находящуюся рядом у обочине дороги и повалил их там на землю.

-Жиды! Из-за вас! - закричал дедушка Руслана, пытаясь удержать под уздцы вставшую на дыбы храпящую лошадь.

В это время у них под ногами вырос столб земли, и лошадь рухнула на землю. Из её развороченного брюха вывалились внутренности. Лошадь задёргала ногой и затихла. А то, что ещё недавно было дедушкой Руслана, разлетелось в разные стороны на десятки метров. Хозяин лошади медленно оседал на землю с другой стороны подводки. Рувима и его спутников, лежавших на дне канавы, осыпало комьями земли. А немецкий пилот, сбросивший бомбу, повидимому, решил, что дело сделано, и полетел догонять своего товарища. Рувим и женщины, ставшие невольными свидетелями этого жуткого зрелища, кое-как выбрались из-под засыпавшей их земли и, подхватив плачущих детей, в панике бросились бежать, куда глаза глядят. Краем глаза Рувим увидел Руслана, убежавшего в противоположную сторону.

После того, как шок прошёл, беглецы несколько успокоились, отдышались, и поплутав немного, вышли опять к дороге, ведущей в Могилёв. Сделав небольшой привал, они принялись обсуждать ситуацию. Все вещи, продукты и питьё для детей оставили на подводе. К счастью, Лиля сохранила сумочку с остатками денег и документами, которую она несла перед инцидентом. Рувим предложил им задержаться на этом месте и подождать, пока он вернётся по дороге назад к подводе и заберёт самое необходимое. Он считал, что они ушли недалеко, и он сумеет быстро обернуться. Однако женщины не хотели оставаться одни и были категорически против. Они посчитали, что имеющихся у них денег достаточно, чтобы оплатить еду и дорогу домой. Поэтому они предложили идти по дороге вперёд, чтобы выйти к какому-нибудь жилью. Шли, неторопясь. Лилия и Хена несли по очереди Лёшику, а Рувим время от времени нёс Валерика. После нескольких часов такой ходьбы они услышали шум приближающейся машины. Вскоре на дороге появилась армейская машина, за которой тянулся хвост густой пыли. Путники выбрались на дорогу и стали отчаянно махать руками и кричать. Вид двух ярких молодых женщин и измученных детей, повидимому, не оставил равнодушными ехавших в кабине людей. Машина остановилась, и из кабины выбрался молоденький белобрысый командир с двумя кубиками в петлицах. Красавица Лилия ему явно очень понравилась. Он даже уступил своё место в кабине Хене с маленьким Лёшиком, который выбился из сил настолько, что его головка безвольно свисала матери на грудь. Водитель тут же напоил его водой из фляжки и дал ему кусок сахара. Малыш принялся сосать сахар и тут же заснул у Хены на руках. Командир помог Лиле и детям забраться в кузов машины и лихо вскочил в неё сам. Красноармейцы, сидевшие в кузове, уступили им места на скамейке возле кабины. Рувим примостился на полу у заднего борта и сразу же задремал. Лейтенанту очень хотелось произвести впечатление на молодую женщину, и он стал с жаром рассказывать ей, как машину дважды атаковали немецкие самолёты, но благодаря бдительности красноармейцев, мастерству водителя и решительности командира, то есть его, им удавалось остаться невредимыми.

Тем временем красноармейцы принялись угощать Лиллю и детей водой и едой из своих нехитрых запасов. Это были в основном сухари и кусочки сахара. Рувиму тоже досталось пару сухариков, которые он потихоньку грыз, подпрыгивая на полу машины. Постепенно он опять задремал и проснулся от крика:

-Воздух!

-Давай, Антипов! Жми быстрее! Рули к перелеску! - кричал лейтенант, свесившись через борт к кабине водителя. Машина резко свернула с дороги на небольшой просёлок и двинулась напрямик к перелеску, гремя на ходу всеми своими сочленениями. Тут только Рувим увидел вдалеке две быстро приближающихся точки.

-Оружие к бою! - скомандовал лейтенант.

Лязгнули затворы ружей. Но, к счастью, применять их не пришлось. И на этот раз удача была на стороне белобрысого лейтенанта. Своевременный манёвр и мастерство Феди Антипова, который успел вовремя загнать машину под кроны деревьев, позволили избежать смертельной опасности. Лейтенант соскочил на землю и закричал:

-Перекур! Можно оправиться. Переждём здесь, пока эти паразиты рыщут вдоль дороги. Далеко от машины не отходить.

Красноармейцы, довольные тем, что легко отделались, попрыгали с машины и разбрелись по перелеску. Издалека слышались глухие взрывы и треск пулемётов.

-Кого-то они всё-таки укараулили, - с досадой произнёс лейтенант.

Вскоре немецкие самолёты пронеслись в обратном направлении.

-Всё, можно ехать. Садись! - скомандовал лейтенант, и машина выехала обратно на дорогу.

Вскоре они увидели две горящие на дороге машины и трупы четырёх человек, которые сумели выскочить из машин, но не успели убежать и спрятаться. Убедившись, что все эти люди погибли, и забрав их документы, лейтенант дал команду ехать дальше. Перехватив укоризненный взгляд Лили, он пояснил, что они уже и так сильно запаздывают и задерживаться больше не могут.

-Сколько убитых мы повидали за эти дни, и сколько ещё повидаем! - добавил он. Проехав ещё с десяток километров, машина въехала в большое село.

-Здесь нам придётся с вами распрощаться, - сказал лейтенант Лиле, - Дальше нам нужно поворачивать на юг. Мы и так затащили вас в сторону. Но отсюда уже не далеко, не больше десятка километров до Могилёва. Вы передохните, перекусите. Я думаю, найдёте оказию. А сейчас пойдёмте, я познакомлю вас с нашими свояками.

Он завёл женщин и вконец измученных детей в большую светлую избу, где их встретила пожилая приветливая женщина.

-Тётка Марья! Вот привёл к тебе гостей. Прошу их любить и жаловать. А мне нужно ехать дальше. Начальство мне и так голову снимет. Ну, прощайте. Не поминайте лихом.

Напившись воды и напоив красноармейцев, весёлый лейтенант уехал. Тётка Марья с сочувствием посмотрела на детей, которые с трудом сидели на лавках, и стала хлопотать у стола, выставляя молоко, варёную картошку в чугушке, хлеб домашней выпечки. При этом она, не умолкая, проклинала фашистов, которые навалились на нашу голову, жалела бедных деточек и рассказывала женщинам последние деревенские новости. Оказывается, в селе шёл набор в армию. Забирали всех парней и крепких мужиков. Назавтра их должны были отвезти в Могилёв. По этому поводу с утра уже пили. Всё село гудело. Звучала гармонь, раздавались песни, женский плач и причитания. Тётка Марья посоветовала Лиле обратиться к представителю военкомата, который завтра повезёт мобилизованных в город. Он сможет найти место в машине и для них.

Тем временем все с удовольствием поели картошки с молоком. Даже маленький Лёшик, которому сделали жидкое пюре с молоком, и Валерик, обычно очень привередливый в еде, поели с большим аппетитом. Довольная Лиля хотела расплатиться с хозяйкой, но та и слушать её не стала. После еды Лиля пошла разыскивать представителя военкомата. Вернулась она очень довольная результатами переговоров. Капитан из военкомата согласился подвезти их за небольшую плату, благо место в машине было.

Отъезд был назначен на следующее утро. Хозяйка разместила женщин и детей в избе. Рувим же, как обычно, попросился на сеновал. Несмотря на смертельную усталость, выспаться ему не удалось, так как всю ночь в селе продолжалась гулянка с пением, криками и драками. Утром, наскоро перекусив и распрощавшись с доброй хозяйкой, которая благословила их всех на дорогу, они отправились к правлению колхоза, где был назначен сбор мобилизованных и стояли ожидавшие их две армейские машины. Со всех концов села сюда сходились люди. Шли степенные мужики, сопровождаемые прижимающимися к ним жёнами, матерями и детьми. Шли парни с плачущими родителями и подружками. Шли и изрядно подгулявшие ребята в сопровождении весёлых девок, горланящих удалые частушки. Играло несколько гармонистов. Подошли водители машин с бутылками самогонки в руках, которую они получили в качестве компенсации за

вынужденную трезвость во время общего гуляния. Наконец пришли представители военкомата, явно, тоже не терявшие время даром, и последовала команда на построение. Мужчины оторвались от своих близких и построились в две шеренги. После переключки они забрались в машины. Туда же поместили Рувима и его спутников. Под плач и отчаянные крики всего села машины выехали на дорогу и двинулись в сторону Могилёва.

На этот раз обошлось без происшествий, и уже через полтора часа Хена с Лилей суетились в квартире Ольховских. Рувим получил разрешение сбежать домой. Там царил полный порядок. Все его вещи были аккуратно сложены. На столе лежали записка и значительная сумма денег. Тоня в ней писала, что она так и не дождалась их приезда. 25 июня она должна была явиться в военкомат. Ненадолго забегал Веня. Он считает, что вам всем придётся эвакуироваться. Рувиму следует ехать с Хеной и Лилей. Ты сейчас единственный оставшийся мужчина в семье, и на тебя вся надежда. Веня надеется, что через несколько дней ему удастся получить кратковременный отпуск, и он сможет вас отправить. Все твои вещи подготовлены. Оставляю тебе все имеющиеся в доме деньги. Они пригодятся тебе в дороге. Далее Тоня передавала привет от Лёвы, который был призван в армию на день раньше её, и желала счастливого пути и скорой встречи. Расстроенный Рувим побежал к Борьке. Там тоже полным ходом шла подготовка к отъезду. Комнаты были заставлены тюками и чемоданами. Борька собирал в своей комнате свои сокровища. Он очень обрадовался Рувиму и стал рассказывать, что отца мобилизовали в армию, но он пока служит в Могилёве и часто бывает дома. Отец хотел отправить их к своим родственникам на Урал, но мать туда ехать отказалась. Там холодно и голодно, да и вещи бросать жалко. Они решили завести всё ценное к тётке в Стайки, а потом, если не наступит перелом в военных действиях, мы тоже, наверное, туда поедем. Мать уверена, что война долго не продлится. Мы там пересидим, а потом вернёмся домой. Отец устал с ней спорить. А здесь становится всё хуже и хуже. Город бомбят. Правда, пока больше железную дорогу, мосты, склады, пристань. Какие-то сволочи их наводят. На наш район ни одной бомбы не упало. Но как заводят сирены, становиться жутко, и мы бежим прятаться в бомбоубежище.

-А как Илья? Где он?

-Илья? У Лоры, конечно, околачивается. Где ему ещё быть? Мать с меньшими детьми поехала к родственникам в Волковисск и ещё не вернулась. Илья с ней не поехал. Экзамены сдавал. Тётка к нему приходила, обеды готовила. Мы все хорошо подавали экзамены. Думали поехать с Николаем Ивановичем в водный поход по Днепру. Вот тебе и поехали. Илья говорит, что у Николая Ивановича какие-то проблемы со зрением, и его взяли в стройбат. Помогает теперь твоему дяде Вене.

-Слушай, Борька! Давай сбегаем к дяде Мише. Ему тётя Тоня передала Рекса. Я так хочу его видеть.

-Не могу. Надо срочно собирать вещи. Скоро отец за ними приедет.

-Ну, ладно. Тогда встретимся позже. Я сейчас подскочу к дяде Мише, и мне надо возвращаться к Ольховским. Там нужна моя помощь.

Когда Рувим постучал в дверь дяди Миши, он услышал, как в комнате завизжал Рекс и стал прыгать на дверь. Дядя Миша открыл дверь, и навстречу Рувиму выскочил Рекс. Он, жалобно скуля, прыгал Рувиму на грудь, норовя лизнуть его в лицо. Рувим вошёл в комнату и присел, пытаясь обнять пса. Но тот опять прыгнул на Рувима, опрокинул на пол, припал к нему, продолжая лизать и тоненько визжать, как будто хотел сказать: "Где же ты пропадал столько времени?" Дядя Миша и тётя Соня, вздыхая, молча наблюдали за

этой трогательной сценой. Наконец, Рувиму удалось сесть на стул, а Рекс уселся рядом, положив голову ему на колени, преданно заглядывая ему в лицо.

-Ну, молодой человек, вы, наконец, прибыли? Тоня так переживала, что не может с тобой попрощаться. Она говорила, что ты будешь сопровождать Хену и Лилю в Ташкент. Им обязательно нужно увозить отсюда детей, и без тебя им будет очень трудно.

-Дядя Миша. Я хочу забрать Рекса.

-Нет, дорогой. У Хены аллергия на собачью шерсть. Да и не время сейчас для этого. Вам надо собираться. Собаку всё равно с собой не возьмёшь, а нам с ней будет веселее, да и безопасней.

-Дядя Миша. Вам тоже надо отсюда уезжать. Если немцы сюда придут, вам здесь не сдобровать. Я видел, что они творили в Польше.

-Это не немцы, а поляки. Поляки всегда ненавидели евреев. А с немцами я сталкивался во время Гражданской войны. Они нас не трогали. Нормальные цивилизованные люди. Да их сюда и не пустят. И потом, кому нужны такие старики, как мы с Соней? В партии мы не состояли, политикой не занимались. Куда нам ехать? У нас нигде нет родных. Работать мы уже не сможем. Нет! Я уже намотался за жизнь по стране, и знаю, что это такое. Сейчас у нас есть свой дом, есть средства для жизни. Твоя тётя Тоня нам подкинула денег. Нет. Что будет, то будет! Если нам суждено погибать, то у себя дома.

-Но ведь город каждый день бомбят.

-Нас не бомбят. Бомбят промышленные и военные объекты, и центр города. Когда объявляют тревогу и воют сирены, конечно, становится страшно, но мы никуда не идём. В нашем районе все дома целы.

-Дядя Миша, мне надо идти к Ольховским. Я и так сильно задержался.

-Иди, дорогой! Не беспокойся. Будет время, приходи в гости. А Рексу у нас будет хорошо.

Обняв и поцеловав Рекса, Рувим выскочил за дверь, предоставив возможность дяде Мише удерживать рвущегося и скулящего пса.

Дома Хена и Лиля успели искупать и покормить детей, и они спали после утомительной дороги. Рувим тоже с наслаждением помылся и поел. В это время раздался отвратительный вой сирены, от которого у Рувима побежали мурашки по коже. Кое-как одев испуганных детей, Рувим и женщины выскочили с ними на улицу, по которой бежали люди. Побежав вслед за этими людьми, они оказались возле бомбоубежища, расположенного в подвале четырёхэтажного дома. Бомбоубежище было уже заполнено народом. С трудом удалось найти свободные места на скамейках. А народ всё прибывал. Некоторые приносили с собой наиболее ценные вещи. Дежурный с красной повязкой на рукаве закрыл двери. Сразу стало трудно дышать. Лица людей покрылись капельками пота. С улицы доносился вой сирен. Вдруг раздались частые хлопки.

-Это зенитки бьют, - пояснил сидящий рядом старик.

Через некоторое время послышались глухие взрывы. При каждом таком взрыве стены бомбоубежища вздрагивали, тускло светившиеся под потолком лампочки моргали и раскачивались. Дети дружно заплакали. Взрослые сидели с испуганными лицами, также вздрагивая при каждом взрыве. Через некоторое время, которое Рувиму показалось вечностью, взрывы и стрельба прекратились, а затем замолкли и сирены. Дежурный открыл двери бомбоубежища и объявил:

-Отбой!

Люди стали выбираться на улицу. Попрежнему светило солнце, голубело небо. Казалось, что не произошло никаких изменений. Но свернув за угол, они увидели разрушенное и дымящееся здание продуктового магазина, где семья Ольховских всегда покупала продукты и около которого теперь суетились пожарные. А дальше вдоль по улице были видны воронки от бомб. Валерик и Аллочка испуганно прижались к своим матерям, а те пытались их успокоить, говоря, что всё уже позади.

Когда они вошли к себе во двор, Рувима неожиданно остановил незнакомый мужчина в военной форме без знаков отличия. Он попросил назвать имя, фамилию, год рождения и адрес, и объявил, что Рувим временно мобилизован для выполнения важных оборонных работ. Лиля пыталось возражать. Но военный её резко оборвал:

-Прекратите, гражданочка! Не забывайте, идёт война. Мы его не на гулянки приглашаем, а для выполнения важных работ. Для вас же стараемся. Бомбоубежищ катастрофически нехватает. Будем рыть щели во дворах. И ближе, и надёжней. Захватив Рувима и ещё нескольких парней и девушек, которых удалось найти в доме, военный отвёл их на соседнюю улицу, где стояла машина с инструментом-лопатами, ломом и кирками. Туда же с разных сторон подходили и другие группы мобилизованных. Среди них Рувим с радостью обнаружил своих друзей Илью и Лору, а также несколько школьных товарищей. Они попросили объединить их в одну рабочую бригаду. Начальство не возражало. Им выдали инструменты и рукавицы, и отвели на одну из центральных улиц, где во дворе многоэтажного дома им и предстояло рыть щели. Работа оказалась не из лёгких. Грунт был твёрдым, с большим количеством камней и битых кирпичей. Их приходилось выковыривать ломом и киркой. Ребята с непривычки быстро устали, но рядом была Лора, и Рувиму не хотелось “ударить в грязь лицом”. А Илья и вовсе работал, как лев, орудуя то киркой, то лопатой. Однако, ребята постепенно приноровились, да и грунт стал помягче по мере углубления траншеи. Правда, теперь было труднее выбрасывать землю.

Работа продолжалась до позднего вечера. И когда уже не было сил шевелиться, приехала машина, на которую загрузили инструменты, а ребятам было объявлено, что на сегодня работа окончена, но завтра все обязаны вернуться на этот же объект к 9 часам утра. Кто не придёт или опоздает, будет объявлен дезертиром и наказан по законам военного времени. Рувим с трудом добрался до квартиры Ольховских и буквально рухнул в приготовленную для него постель. Выспаться, однако, ему не удалось. Ночью дважды объявлялась воздушная тревога, и они с сонными детьми бежали в бомбоубежище. Правда, на этот раз немцы бомбили отдалённые районы города, и разрушений поблизости не было.

В последующие дни их бригада продолжала копать щели. После завершения работ в одном дворе их перебрасывали на другие участки. Наладили одноразовое питание. Постепенно Рувим и его товарищи научились работать и уже не так уставали. Во время налётов немецкой авиации они уже не бежали в бомбоубежище, а прятались в открытых ими же щелях. Они даже испытывали чувство гордости от того, что они делают важное и полезное дело.

Переговорив с Ильёй и Лорой, Рувим узнал, что мать Ильи так и не появилась в городе, и Илья очень беспокоился и не знал, что можно предпринять. Лорин отец был призван в армию, а мать готовилась к отъезду. Лора сказала, что, если положение на фронте серьёзно не улучшится, они планируют к концу месяца эвакуироваться и готовы захватить с собой Илью.

В результате напряжённой работы молодёжных бригад центр города оказался покрыт многочисленными щелями. В том числе и двор дома, где проживала семья Ольховских. И как оказалось, очень вовремя. В последние дни налёты немецкой авиации участились и стали всё более разрушительными. Вернувшись в один из таких дней с работы, Рувим застал Хену и Лилю в состоянии шока. Оказывается, во время последнего налёта в дом, под которым находилось соседнее бомбоубежище, попала фугасная бомба. Дом был разрушен, бомбоубежище с находившимися там людьми завалено обломками рухнувшего здания. Сейчас там идут спасательные работы. Но нет техники, и дело движется очень медленно. очевидцы рассказывают, что из-под развалин раздаются стоны и призывы о помощи.

-Не серый ли это дом за поликлиникой? - с тревогой спросил Рувим, - Да? О, Господи! Да это Лорин дом. А она ничего не знала. Её мать оставалась дома. Я подбегу туда. Может быть, они нуждаются в моей помощи.

И Рувим опрометью выскочил из дома и помчался к Лоре. Неподолёку от него он встретил Илью. Илья рассказал, что в момент взрыва Лорина мать выходила из дома и направлялась в бомбоубежище. Взрывной волной её отбросило в сторону, и это спасло ей жизнь. Она получила сотрясение мозга, множество травм, но серьёзных повреждений у неё, к счастью, нет. Сейчас она лежит в больнице, а Лора дежурит возле неё. Врач обещает, что через пару дней мать выпишут. Но им деваться некуда. Квартира их разрушена, жить там невозможно. Неизвестно, сохранились ли какие-нибудь вещи и можно ли будет до них добраться. Скорее всего придётся проситься к Николаю Ивановичу, но его нет сейчас в городе.

-Знаешь, Илья, я, пожалуй, могу предложить им нашу квартиру. Лёва и Тоня сейчас в армии, я всё равно там не живу, пусть они перебираются туда. Я могу тебе сейчас же отдать ключ.

Счастливый Илья бросился обнимать друга и тут же побежал назад в больницу, чтобы сообщить Лоре об этом предложении.

За несколько месяцев своего знакомства Илья и Лора ни разу не говорили друг другу о любви. Им было по шестнадцать лет, и они были воспитаны советской школой и советским искусством, которые ранние чувства, мягко говоря, не поощряли. Считалось, что в этом возрасте между юношей и девушкой должна существовать только дружба. И они всячески старались избегать острых ситуаций и говорить только на отвлечённые темы. Но чувства брали своё. Любовь проявлялась в сиянии глаз, в соприкосновении рук, в желании постоянно видеть друг друга. Война - очень неблагоприятное время для любви. Она обрушила на каждого из них большие беды и серьёзные бытовые проблемы. Но, при этом Илья и Лора могли встречаться, видеть друг друга, общаться и были счастливы, несмотря ни на что. Илья был готов бежать хоть на край Света, сворачивать горы, вывернуться наизнанку, чтобы помочь Лоре, защитить её от навалившихся на неё невзгод.

На следующий день Лора и Илья отпросились у руководителя работ и отправились к разрушенному Лорину дому в надежде отыскать уцелевшие вещи. Вечером Илья подробно рассказал Рувиму об этом походе. Оказалось, что дом был разрушен не полностью. Одно крыло, где находилась Лорина квартира, частично сохранилось, но было всё в трещинах. Илья с Лорой с риском для жизни кое-как поднялись на второй этаж по полуразрушенной лестнице. Дверь в квартиру удалось открыть с огромным трудом, так как дверная рама была сильно перекошена. Большая часть квартиры была завалена рухнувшей перегородкой. В относительном порядке сохранилась Лорина комната, но и

она была засыпана обвалившейся штукатуркой. Им удалось собрать некоторую часть личных вещей Лоры и её матери, и даже снять с кровати постельное бельё. Илья уговорил Лору забрать и все тёплые вещи, хоть они находились далеко не в лучшем состоянии. Осмотрев на прощание свою комнату, Лора подобрала упавшую со стены семейную фотографию с разбитым стеклом и за комодом под куском штукатурки обнаружила одного из слоников, подаренных ей Ильёй на День Рождения. Эти находки напомнили ей о мирной довоенной жизни, и впервые за последние ужасные дни Илья увидел рыдающую в отчаянии Лору. Ему с трудом удалось её успокоить. Надо было торопиться. В любой момент мог начаться новый налёт, и даже отдалённого взрыва дом мог не выдержать.

Спускаться с вещами было ещё тяжелее, чем подниматься. Но они всё же благополучно выбрались на улицу и отнесли вещи к Рувиму на квартиру. Там Илья помог Лоре обустроиться в комнате Рувима. После этого Лора побежала к матери в больницу, а Илья отправился к тётке узнавать, нет ли каких-нибудь вестей об его матери.

В эту ночь Рувиму пришлось много раз с благодарностью вспоминать людей, организовавших рытьё щелей во дворах. Около полуночи была объявлена воздушная тревога. И тут Лиля и Хена категорически отказались идти в бомбоубежище. Печальная судьба бомбоубежища в Лорином доме вызвала у них панический страх перед возможностью быть заживо погребёнными. Они предпочли прятаться в щелях, где смерть угрожает лишь в случае прямого попадания бомбы, вероятность чего была не очень велика.

-Что будет, то будет! - философски заметила Лиля, спускаясь по ступенькам в щель, которая, как змея, вилась по двору. Там уже находились и некоторые другие жители дома. Дети и взрослые напряжённо всматривались в ночное небо, где метались светящиеся лучи прожекторов, скрещиваясь и выхватывая из темноты серебристые силуэты самолётов. Тогда вокруг них вспыхивали разрывы зенитных снарядов и туда же устремлялись светящие пулёмётные трассы. С разных сторон слышались выстрелы зенитных орудий и треск крупнокалиберных пулёмётов. Где-то вдали ухали разрывы бомб. Из щели эта картина казалась кадрами какого-то увлекательного фильма и вызывала скорее не страх, а любопытство. Неожиданно один из снарядов попал в цель. Серебристый самолётик вспыхнул и словно огненный шар понёсся с рёвом вниз, рухнув где-то вдалеке. Люди в щели приветствовали этот успех радостными криками. В эту ночь удача сопутствовала ПВО. Один за другим были сбиты ещё два вражеских самолёта. И всякий раз это встречалось здесь внизу всеобщим ликованием. Люди кричали, хохотали, обнимались и матерились. Этот сравнительно скромный успех вселил надежду, что наконец-то “Наши” научились “Их” сбивать, что теперь “Наши” “Им” покажут и что теперь всё будет по-другому. Частично эти надежды оправдались, потому что в эту ночь больше налётов не было.

На следующее утро, когда Рувим пришёл на работу, только и разговоров было о сбитых самолётах. Вообще, этот день для Рувима и его друзей складывался удачно. Уже к середине дня было объявлено, что рытьё щелей завершено, и рабочие бригады временно распускаются. Возможно, в дальнейшем молодёжь будут привлекать для рытья окопов за городом. Сдав инструменты, Лора, Илья и Рувим побежали в больницу за Лориной матерью, которую врач обещал в этот день выписать. Она была ещё очень слаба, передвигалась с трудом. У неё кружилась голова и подташнивало, но в больнице её держать дальше отказались. Ребята отвели больную к Рувиму в дом и уложили её в

постель. Лора принялась хлопотать, приготавливая еду. В это время в дом зашёл Борька. Он сказал, что заходил к Ольховским в надежде застать там Рувима. Лиля попросила его передать Рувиму, если он его встретит, что вернулся дядя Веня и просит Рувима собрать свои вещи и срочно идти домой.

Когда Рувим прибежал в квартиру Ольховских, там “дым стоял коромыслом”. Женщины собирали вещи и спорили, что следует брать с собой, а что придётся оставить. А Веня, сильно похудевший и загоревший, но уже успевший помыться и побриться, хлебал на кухне щи и периодически кричал суетившимся женщинам:

-Не набирайте много вещей. Берите документы, деньги и только самые необходимые вещи!

Увидев Рувима, он радостно приветствовал его. В ответ на вопрос о положении на фронте Веня сказал, что положение резко ухудшилось и что откладывать с отъездом больше нельзя. Ему дали два дня отпуска для устройства семейных дел, и он договорился с машиной на завтра. Поэтому уже сегодня надо быть полностью готовыми к отъезду. Из Могилёва поезда не ходят. Придётся добираться до станции Кричев. Сам Веня сопровождать их не сможет. Вся надежда теперь на Рувима, без которого женщины с тремя детьми не справятся. Увидев вытянувшееся огорчённое лицо Рувима, он добавил:

-Так надо, дружище! Всё очень плохо. Хуже некуда. А сейчас заберите детей на улицу, а то они не дают собираться.

В это время Рувим увидел висевшую на стуле гимнастёрку без знаков отличия.

Перехватив его удивлённый взгляд, Веня горько усмехнулся:

-И тени прошлого нам не дают покоя! - процитировал Веня слова из неизвестного Рувиму произведения.

Рувиму пришлось идти с детьми на улицу. Благо, день выдался спокойным, и они могли играть, не заходя в дом, целых два часа.

Таким образом, из-за многочисленных поручений Рувиму удалось выбраться к друзьям лишь поздно вечером. Борька тоже только освободился. Он сообщил, что они также завтра уезжают. Отец, наконец, смирился и согласился отвезти их в Стайки. Рувим предложил Илье и Лоре с матерью ехать вместе с ними на машине в Кричев. Но Лора сказала, что мама не выдержит дороги. Им придётся подождать ещё пару дней, пока ей не полегчает. Тогда они обязательно постараются уехать. Приходил Николай Иванович. Его тоже отпустили на несколько часов. Он настаивал на их отъезде и обещал помочь с машиной. Илья решил задержаться тоже, чтобы помогать Лоре и выбираться вместе с ними. На прощанье друзья обнялись.

-Не переживай, Рувим! Мы ещё встретимся. Гора с горой не сходится, а человек с человеком всегда сойдётся! - произнёс Илья незнакомую Рувиму поговорку.

Ночь прошла спокойно. Не было ни одного налёта. Утром тоже было тихо. Эта тишина сильно беспокоила Веню.

-Ох, не нравится мне всё это. Что-то эти гады придумали. Это напоминает мне затишье перед бурей. Надо, надо торопиться.

Наконец прибыла машина. Быстро погрузили вещи. Хену с Лёшиком и Аллочкой, как обычно, поместили в кабине, а Рувим и Лиля с Валериком забрались в кузов. Машина тронулась. А Веня, грустный и растерянный, ещё долго махал им рукой, пока машина окончательно не скрылась за поворотом.

Рувим ехал с тяжёлым сердцем. Ещё один этап его жизни подошёл к концу. Что ждёт его впереди? Опять фашисты вторглись в его жизнь и всё порушили. В Могилёве

остались Венья и лучшие друзья. Им угрожает опасность. А он спокойно уезжает в безопасное место. Но ему, Рувиму, доверили судьбу двух женщин и трёх детей, и он сделает всё от него зависящее, чтобы доставить их в безопасное место, где им ничего не будет угрожать. Что будет после этого, Рувим не знал и решил отложить решение этого вопроса на будущее.

Начало путешествия складывалось удачно. Без всяких помех они проехали Чаусы и вскоре догнали колонну машин, движущуюся, как и они, на восток. Водитель пристроился к последней из них. Это был полуприцеп с торчащим назад длинным дышлом. А вскоре уже к ним в хвост пристроилось ещё несколько машин. Езда в колонне придавала какую-то уверенность, создавала чувство спокойствия, делала членом большого коллектива. Тем более, что большая часть машин была заполнена людьми, повидимому, такими же беженцами, как и они. Дорога была хорошая, и машины, набрав изрядную скорость, уверенно катили по направлению к Кричеву. Тишина, мерное покачивание убаюкали пассажиров. Рувим и Лиля с Валериком, удобно устроившись на тюках с вещами, задремали. Дремали также многие пассажиры на других машинах. Водители машин расслабились и на какое-то время потеряли чувство опасности. Никто не обратил внимание на две маленькие точки, появившиеся на горизонте. Немецкие самолёты, летящие с востока на запад, обнаружили колонну автомобилей и, резко снизив высоту и включив сирены, понеслись ей навстречу. Расстреляв из пулемётов передние машины, они пронеслись над головами обезумевших от неожиданности людей. Водители повреждённых передних машин, гружённых каким-то оборудованием, потеряли управление. Одну из машин занесло. Она съехала в кювет и опрокинулась. Вторую развернуло поперёк дороги. Водители остальных машин не успели на это среагировать, и машины, продолжая двигаться по инерции, налетели друг на друга. Водитель машины, где сидел Рувим, затормозил, но с опозданием, и небольшой интервал между машинами не позволил ему маневрировать. Дышло полуприцепа выбило стекло, вскольз зацепило голову водителя и упёрлось в заднюю стенку кабины. И тут же последовал ещё один удар, но уже сзади в кузов. Это в них врезалась задняя машина. Спавшие в кабине Хена с детьми оказались засыпанными разбитым стеклом, но серьёзно не пострадали. Проснувшись от удара, они дружно закричали от страха. Немецкие самолёты развернулись и повторили атаку. Пассажиры и водители стали выпрыгивать из машин и разбегаться в разные стороны, стараясь найти какое-нибудь укрытие. Очнувшись, Рувим со сна не сразу сообразил, что происходит. Но услышав рёв приближающихся самолётов, он повалил на дно кузова пытающуюся вскочить Лилю и закрыл собой кричащего от ужаса Валерика. Сделано это было очень вовремя. Пулемётная очередь прошла рядом с ними, распоров несколько тюков с вещами и расщепив верхнюю часть переднего борта машины.

Завершив повторную атаку, самолёты взмыли кверху и полетели дальше. Повидимому, они возвращались после выполнения задания, успев растратить основной боезапас, и терять время на окончательное уничтожение повреждённых гражданских машин не входило в их планы. Лилия и Рувим выскочили из машины и бросились к кабине. Убедившись, что сестра и дети не пострадали, Лилия стала оказывать помощь залитому кровью водителю, сыпавшему проклятия в адрес проклятых фашистов. К счастью, его повреждения тоже оказались не очень серьёзными. У водителя оказалась аптечка, и Лилия смогла сделать ему перевязку. После этого он осмотрел свою машину, образовавшуюся из машин “кучу малу” и, сплюнув, изрёк:

-Всё, пи...ц! Приехали.

Тем временем к машинам со всех сторон возвращались пассажиры и водители. Оказалось, что и все остальные машины из колонны были не в состоянии продолжать движение. К счастью, убитых и тяжело раненых среди пассажиров и водителей не оказалось. Несколько человек имели пулевые ранения, некоторые были порезаны осколками стекла или получили ушибы и травмы большей или меньшей степени тяжести. К счастью, среди пассажиров оказались медработники, которые оказали пострадавшим посильную помощь. После этого пострадавшие заявили о готовности двигаться дальше.

Разобрав свои вещи, они собрались у обочины дороги и стали совещаться, что делать дальше. Все единогласно решили, что ждать помощи не следует и надо выбираться самостоятельно. Нашёлся человек, бывавший в этих местах. Он предложил провести всех напрямик через лес, уверяя, что это позволит срезать крюк километров эдак 5-6. Да и в лесу была меньше вероятность попасть под обстрел немецкой авиации. Все дружно согласились с его предложением, разобрали вещи и двинулись за новоявленным проводником. Образовалась внушительная группа из 60-70 человек. Хена с завистью наблюдала за семьями, которые предусмотрительно захватили с собой коляски. Лёшина новая коляска осталась дома, а сейчас она была бы очень кстати. Трое маленьких детей и значительное количество вещей, взять которые было просто необходимо, создавали серьёзную проблему. Рувим связал два тюка и взвалил их себе на плечи. Лиля взяла остальные вещи, Хена - Лёшику и сумочки с деньгами и документами. Аллочка с Валериком брели за ними. Так далеко они уйти не смогли бы. Однако, красавица Лиля всюду и всегда привлекала внимание мужчин. И в этой ситуации у неё появился очередной поклонник. Молодой красивый парень уже во время совещания не сводил с Лили восхищённых глаз. Когда он увидел, в каком трудном положении она и её спутники оказались, он тут же с радостью предложил свою помощь, которая с неменьшей радостью была принята. У него свои вещи были уложены в компактный и удобный вещевой мешок. Поэтому он смог забрать все вещи, которые несла Лиля, обеспечив ей возможность периодически нести Валерика. Аллочка шла сама и тащила свою большую куклу, с которой она ни за что не хотела расставаться. Но даже в таких более благоприятных условиях они безнадежно отставали от основной группы. Их новый спутник, который сказал, что его зовут Миша, заверил, что это не страшно. Когда по лесу идёт такое большое количество людей, они всегда оставляют много следов, по которым не трудно определить направление движения. И действительно, коляски оставляли хорошо различимые колеи, да и других следов было, хоть отбавляй. Поэтому их маленькая группа могла позволить себе идти неспеша. Миша любезничал с Лилей, Валерик с Аллочкой были заняты своими разговорами, Хена была поглощена заботами о Лёшике, а Рувим замыкал шествие, согнувшись под тяжестью тюков. Ему было не до разговоров.

Дети быстро уставали, и приходилось часто останавливаться и делать привал. Так они двигались уже несколько часов. Основная группа ушла далеко вперёд. Уже не слышно было никаких голосов, и можно было идти, наслаждаясь тишиной, ароматом леса и тёплой погодой.

-Мама, мама! Я хочу пи-пи! - вдруг запричитал Валерик, суча ногами.

-Ну, так что за проблема? Отойди в сторонку и пописай.

Валерик отошёл в заросли черничника, спустил штанишки и принялся за дело. Рувим, сбросив тюки на землю, с наслаждением разминал плечи. Вдруг лес огласился отчаянным криком. Валерик визжал тоненьким голосом и с ужасом показывал рукой перед собой. В

том месте, куда он направлял свою струю, что-то шевелилось, и над кустиками черники приподнялась голова змеи с цветным узором на голове и спине.

-Гадюка! - ахнула Лиля, - Сыночек, не шевелись.

Рувим, находившийся ближе всех к Валерику, схватил валявшуюся на земле толстую ветку и, оказавшись в два прыжка возле змеи, обрушил ветку на её голову. Змея задёргалась в предсмертных конвульсиях, а Рувим подхватил захлёбывающегося в рыданиях малыша и передал его матери.

Придя в себя после неожиданного происшествия, маленькая группа двинулась дальше, с опаской поглядывая себе под ноги. Пройдя ещё час, они сделали очередной привал. Опытный Миша понял, что женщины хотят остаться одни, да и мужчины тоже нуждаются в этом. Он позвал Рувима, и они решили пройти вперёд и заодно сориентироваться на местности и уточнить дальнейший маршрут. Это было сделано очень во-время. Избавившись от ненужных излишков, мужчины, болтая о том - о сём, прошли вперёд и вышли на большую поляну. Их глазам предстало жуткое зрелище. Посреди поляны дымился и тлел костёр. Вокруг него в живописных позах лежали трупы полутора десятка людей. Судя по сломанной треноге и опрокинутым котелкам, они были застигнуты врасплох, когда разогревали на костре пищу. Все они были убиты одним и тем же способом. Они погибли от удара кинжалом в грудь, нанесённого хорошо натренированными профессионалами. Было также много людей, убитых, повидимому, когда они пытались бежать. Их трупы с проломанными головами лежали по всей поляне и даже далеко за её пределами. Как видно, убийцы, догнав их, наносили удары прикладами по голове. Они явно не хотели производить много шума и избегали стрельбы. Были видны и трупы детей. Несколько совсем маленьких деток лежали мёртвыми в своих колясках. Эту жуткую картину дополняли разбросанные по поляне окровавленные вещи, о которые убийцы, повидимому, вытирали свои орудия смерти. Михаил с Рувимом находились в шоковом состоянии, не в силах некоторое время произнести ни одного слова. Из транса их вывел слабый стон, донёсшийся из кустов в стороне от поляны. Не сговариваясь, они бросились туда. В кустах лежал мужчина с окровавленной головой. Он шевелился и стонал, потом попытался привстать. Рувим и Михаил помогли ему повернуться и сесть. Они тут же узнали в нём проводника основной группы.

-Пи-ить, пи-ить!- простонал он.

Михаил бросился назад на поляну и тут же вернулся с флягой в руках, которую он ранее заметил у костра. Попив воды, проводник понемногу пришёл в себя. Он рассказал, что после нескольких часов ходьбы люди устали и решили сделать привал. Они разожгли костёр и стали готовить на костре еду. Он же отошёл от поляны в поисках хвороста. Возвращаясь назад, он увидел, что к поляне подошло около двух десятков вооружённых людей, одетых в милицейскую форму. Они заговорили с сидящими у костра людьми. А дальше всё произошло, как в дурном сне. Они набросились на мирно сидящих людей и стали наносить удары кинжалами. Тех, кто пытался бежать, они догоняли и убивали ударами кинжалов и прикладов автоматов. Он же не сразу преодолел растерянность. А когда он всё же сорвался с места, то получил удар по голове и потерял сознание. Сколько времени он пролежал в таком состоянии, он не знает. Куда делись переодетые диверсанты, он тоже не знает. А то, что это были диверсанты, он не сомневается, так как они, убивая, переговаривались на немецком языке. Рассказывая, проводник всё время держался за голову и временами не мог сдержать стоны. Тем не менее, он смог с помощью Михаила и Рувима добраться до женщин, начавших уже беспокоиться из-за их долгого

отсутствия. Они пришли в ужас, увидев окровавленного человека. Лиля, осмотрев пострававшего, сказала, что серьёзных повреждений у него нет. Удар пришёлся вскольз и вызвал контузию и неглубокую рану. Она обработала и перевязала рану. Постепенно пострадавший пришёл в себя настолько, что заявил о своей готовности идти дальше. По его мнению в нескольких километрах отсюда находится деревня, где можно будет передохнуть, достать еды, а если повезёт, то нанять подводу, чтобы добраться до станции. Выждав для верности ещё полчаса, они пошли дальше, обойдя страшную поляну стороной. И действительно, уже через полтора часа пути они вышли на опушку, с которой была видна небольшая деревня на два десятка домов. Михаил вызвался пойти вперёд и проверить, нет ли там какой-либо опасности. Через полчаса он вернулся и сказал, что всё в порядке и можно двигаться дальше. В деревне у проводника нашли знакомые, которые тут же собрали на стол и пригласили голодных и уставших путников отведать их угощение. Те не стали отказываться. Хозяин дома сказал, что у них пока всё тихо, никакие переодетые милиционеры не появлялись, и даже согласился отвезти их завтра на станцию, естественно, за хорошее вознаграждение. Пришлось воспользоваться любезным предложением хозяина и заночевать. Хену и детей оставили ночевать в доме, а остальные отправились на сеновал. После пережитых ужасов все спали плохо, стонали, метались во сне и встали совершенно разбитыми. А проводник, который вопреки советам Лили принял вместе с радушным хозяином изрядную порцию самогонки, почувствовал себя очень плохо и решил задержаться здесь на пару дней. Утром хозяин, как и обещал, снарядил телегу, и маленькая компания уже через несколько часов благополучно подъезжала к станции. Лили щедро расплатилась с возницей, и они остались на привокзальной площади Кричева, а тот отправился домой допивать самогон с оставшимся приятелем.

Привокзальная площадь и перрон были заполнены беженцами и их вещами. Толпы людей сновали в разных направлениях. Люди переговаривались, кричали, плакали, ругались и дрались. Огромные очереди стояли у кранов с кипятком и холодной водой, и особенно, у туалетов. Кое-кто, не выдержав, справлял нужду возле ближайших заборов. Оставив Хену и Рувима с детьми и вещами, Лили и Михаил отправились в здание вокзала выяснять обстановку. Они сумели узнать только, что где-то формируются два эшелона, но когда и куда они будут поданы, сказать никто не может. Чтобы как-то отвлечь детей, Рувим отправился с Аллочкой и Валериком побродить по перрону, насколько это было возможно из-за сидящих там людей. Внезапно Аллочка дёрнула Рувима за рукав и закричала:

-Смотри, смотри, дядя Фима!

-Да, дядя Фима! - поддержал её Валерик.

Рувим увидел быстро идущего по перрону с котелком воды в руках мужчину со всколоченной пышной шевелюрой, горящими глазами, измученным осунувшимся лицом, заросшим давно не бритой щетиной.

-Дядя Фима? - произнёс Рувим, - А кто это, дядя Фима?

-Ну, дядя Фима, муж тёти Оли, маминой сестры, - пояснила Аллочка.

Тем временем, дети с радостным криком бросились навстречу к дяде Фиме. Тот от неожиданности уронил котелок, разлив драгоценную воду, и подхватил обоих детей на руки.

-Какое счастье, что я вас встретил! Это просто чудо какое-то. А это, наверное, Рувим? Где вы расположились? А мы здесь рядом. Давайте, подойдём. Я покажу, где мы находимся.

И действительно, рядом, на краю перрона возле сложенных в кучу узлов прогуливались десятилетний мальчик и двенадцатилетняя девочка. Трёхлетний мальчик в полосатой маечке важно восседал на одном из узлов. Его кормила кашей женщина, очень похожая на Лилию. Рувим сразу понял, что это и есть сестра Хены и Лили Оля и её дети, с которыми Рувим так и не успел познакомиться во время своей краткой поездки в Минск. Он вспомнил, что дядя Фима, ответственный работник Совнаркома, был в юности активным комсомольцем, участником коллективизации и раскулачивания. В соответствии с существовавшей среди комсомольских и партийных активистов модой Фима называл всех своих детей в честь выдающихся деятелей Партии. Девочку он назвал Сталиной, или попросту Линой, старшего мальчика - Владиленом, младшего - Климом.

Рядом с ними сидели молодая женщина, кормившая грудью ребёнка, и старушка с седой трясущейся головой. Женщину Рувим узнал сразу. Это была младшая сестра Самуила Галя с дочерью Ритой. И только внимательно присмотревшись, Рувим понял, что старушка - это её мать, бабушка Фаня. Её невозможно было узнать. Из статной, ещё крепкой пожилой женщины она превратилась в дряхлую старушку с потухшими глазами. Аллочка и Валерик бросились к ней с радостным криком, но Оля остановила их, сказав, что бабушке нездоровиться, и её лучше пока не тревожить. А бабушка Фаня продолжала сидеть с безучастным видом, не реагируя на появление любимых внуков.

Оставив Валерика и Аллочку на попечение Оли, дядя Фима с Рувимом, Владиком и Линой отправились к Лиле и Хене, встретивших их радостными возгласами и слезами. Деликатный Михаил, увидев такое нашествие незнакомых ему людей, пробурчал, что "...Мавр сделал своё дело, мавр может удалиться", и вспомнив, что у него есть неотложные дела, распрощался и незаметно ретировался. После многочисленных объятий, поцелуев, восторженных восклицаний, Лилия, Хена и сопровождающие их лица присоединились к остальным родственникам, где объятия и поцелуи возобновились с новой силой. Затем последовал обмен информацией о тех событиях, которые произошли с каждым из них за последние дни. Из рассказов Гали, Оли и Фимы вырисовывалась типичная для этих дней страшная картина.

Немцы жестоко бомбили Минск уже в первые дни войны. Добросовестный дед Марк, вопреки уговорам и советам отправился во вторник 24 июня на работу в свой политехнический институт и не вернулся домой. Говорили, что в результате бомбардировки все мосты через Свислочь разрушены и, возможно, он не сумел перебраться через реку. Он не появился ни на следующий день, ни через день. Самуил, которого включили в состав Государственной комиссии по эвакуации города Минска, настаивал, чтобы Галя с матерью и дочерью немедленно покинули город. Фима раздобыл машину и предложил Гале с матерью ехать вместе с его семьёй. Накануне отъезда Самуил перевёз вещи и Галю с девочкой к Оле на Грушевский посёлок. А мать уговорила оставить её на ночь в её доме, надеясь на возможное возвращение мужа. Но он так и не вернулся. Рано утром Самуил приехал за матерью. Откладывать отъезд было уже невозможно. В это время начался налёт немецкой авиации. Самуилу пришлось чуть ли не силой выводить мать из дома. На улице творились ужасные события: ревели сирены, гремели взрывы бомб и выстрелы зенитных орудий. Одна из зажигательных бомб попала в соседний дом. Он загорелся. Люди с криками засуетились возле него. Кто-то пытался тушить огонь, кто-то принялся выносить вещи. Самуил с огромным трудом усадил мать в машину, которая тут же тронулась, а сам остался, чтобы забрать находящиеся в доме документы. Эта ужасная картина вызвала у старой женщины серьёзное психическое потрясение, от

которого она так и не смогла оправиться. В тот же день Фима вывез семью и Галю с Фаней и Риточкой из горящего разрушенного Минска. Они попытались добраться к родным в Могилёв, но попасть туда не смогли, и были вынуждены объехать город с юга, и затем направились на восток. Однако, машина по дороге сломалась. Энергичный Фима сумел нанять в одной из деревень подводу, и на ней они добрались до Кричева. Здесь Фима хочет посадить семью в эшелон, а самому идти в армию.

Лиля в свою очередь рассказала о том, что произошло в Могилёве. Слушая эти рассказы, все заново пережили страшные события, свидетелями или участниками которых им довелось стать. Затем Лиля и Фима отправились в помещение вокзала в надежде попасть к коменданту и прояснить обстановку с отъездом, а также поискать какой-нибудь еды. Рувим и Оля стали переключать вещи, чтобы можно было на них сесть. Неожиданно люди, сидящие на перроне и на площади, вдруг повскакивали со своих мест, засуетились и, подхватив свои вещи, устремились в конец платформы, куда медленно подходил эшелон, составленный из товарных вагонов. Движимый любопытством, Рувим побежал за ними и стал свидетелем удивительного зрелища. Не дожидаясь, пока поезд остановится, наиболее активные беженцы забрасывали на ходу вещи и, отталкивая конкурентов, карабкались в вагоны. Родные передавали им остальные вещи, подавали детей. У дверей вагонов образовалась давка. Люди кричали, матерились, дрались, заполняя вагоны. Ссоры и драки продолжались и в вагонах из-за более удобных мест. Неудачников, потерпевших поражение в этих баталиях, выбрасывали из вагонов вместе с их вещами. Очень быстро все теплушки были забиты до отказа. Беженцы, которым в них не хватило места, собрав свои вещи и проклиная более удачливых конкурентов, уныло возвращались на свои места. Неподолёку от Рувима и его спутников расположилась многочисленная семья, настроенная чрезвычайно агрессивно. Они возбуждённо обменивались впечатлениями о проигранной схватке, из-за чего они вынуждены были покинуть вагон, громко матерились, не обращая внимания на расположившихся вокруг соседей. Особенно выделялась среди них немолодая женщина с плоским рябым лицом и всколоченными волосами. Она всё время кричала визгливым противным голосом, посылая проклятия обидчикам, закатывая при этом странные бесцветные глаза. Испуганные дети затихли и жалась к взрослым. Даже Лина с Владиком старались держаться от скандалистов подальше. Подошли Фима с Лилей. Они были огорчены тем, что прозевали эшелон. Следующий будет только завтра утром. Его прозевать уже никак нельзя, так как он, повидимому, - один из последних. Фиме удалось договориться разместить на ночь Галю, Хену с детьми и бабушку Фаню в помещении вокзала. Здесь помогли Фимины наркоматовские документы.

А рябая баба продолжала верещать. Один из её родственников подал ей банку с водой и попытался её успокоить.

-Зина! Да ты не волнуйся, успокойся. Завтра уедем.

Но Зина, стуча зубами о стеклянную банку, продолжала пронзительно визжать и материться.

-Да угомонитесь вы,наконец! - не выдержала Лиля, - Никому вокруг не даёте покоя!

Рябой этого только и нужно было. Теперь у неё появился реальный враг, на которого она могла обрушить всю свою ненависть. Завизжав ещё громче, она метнула в Лилю банку с водой, но промахнулась и попала банкой в голову бабушки Фани.

-Ах, ты, сука! Жидовка проклятая! - закричала баба, увидев, что промахнулась, и ринулась к Лиле, стараясь вцепиться ей в волосы. Лиля перехватила её руки. Тогда баба попыталась пнуть Лилю ногой. Мужчины с обеих сторон бросились к месту схватки, стараясь оттащить разбушевавшуюся бабу. Та отчаянно отбивалась. Неожиданно у неё на губах появилась пена, она сползла на пол и задёргалась в конвульсиях. Лиля и её спутники подхватили свои вещи и поспешили перебраться подальше от опасных соседей. Здесь Лиля осмотрела голову бабушки Фани и, убедившись в отсутствии серьёзных повреждений, наложила ей повязку. Разместив бабушку Фаню, Галю и Хену с детьми в помещении бывшей комнаты “Матери и ребёнка”, а сами, пристроившись на улице, кое-как переночевали, благо июльская ночь выдалась на редкость тёплой и немецкая авиация не беспокоила. Проснулись ранним утром, быстро собрались. Едва успели перекусить, как появился эшелон. На этот раз Фима с Рувимом проявили завидную расторопность и начали загружать свои вещи в эшелон одними из первых. Фима вскарабкался в теплушку, Рувим, Лиля и Владик с Линой подавали ему вещи, а он их раскладывал в вагоне. Затем Лиля с Рувимом помогли забраться в вагон детям, бабушке Фане, Гале и Хене. Одновременно в эту же теплушку загружались и другие семьи. Волею судеб оказалось, что рядом с ними разместились та самая скандальная семья. Зина, увидев Лилю, ринулась опять в драку, стараясь вытолкнуть её из вагона, истошно крича, что эта сука ехать с ней в одном вагоне не будет. Сложилась критическая ситуация. Никакие уговоры на бабу не действовали, справиться с дебоширкой и её многочисленными агрессивными родственниками Фима с Рувимом самостоятельно были не в состоянии, а соседи предпочитали в конфликт не вмешиваться. Милиции поблизости не было. Эшелон мог в любую минуту тронуться. Остальные теплушки были все переполнены. Остаться рядом с дебоширкой тоже было невозможно. В этой тупиковой ситуации им на помощь неожиданно пришёл мужчина, который наблюдал за происходящим, сидя на площадке стрелочника в соседнем последнем вагоне. Он предложил Лиле уступить ей своё место на скамейке, а сам согласился перебраться на ступеньку лестницы. Лиля была вынуждена принять это предложение. Рувим не мог оставить Лилю и Валерика наедине с незнакомым мужчиной и тоже втиснулся в угол площадки, фактически, оказавшись под скамейкой. Вещи остались у родственников в теплушке, и Лиля захватила с собой только кастрюльку с кашей для Валерика. Фима, убедившись, что его семья более или менее сносно устроена, распрощался, так как у него истёк срок его отпуска, и ему было необходимо явиться в ближайший военкомат, чтобы не быть объявленным дезертиром.

Посадка была завершена. Паровоз подал сигнал, и эшелон двинулся на восток. Колёса вагонов равномерно постукивали на стыках рельсов. Вагоны слегка покачивало. Солнце мягко светило, тёплый ветерок обдувал лицо. Несмотря на то, что сверху сыпалась угольная пыль, и другие явные неудобства, после перенесенных тревожных последних дней появилось какое-то умиротворение и надежда на будущее. Лиля разговорилась с приютившим их мужчиной. Он рассказал, что отбывал тюремное заключение в могилёвской тюрьме за пьяную драку. Несколько дней назад их неожиданно выпустили на волю, и он решил добираться к брату в Саратов. Про Зину и её родственников он сказал, что таких надо давить голыми руками. Лиля в свою очередь рассказала ему о своих приключениях. В такой мирной беседе прошло несколько часов. Неожиданно эшелон остановился. От вагона к вагону была передана информация, что продолжительность санитарной остановки - 10 минут. Мальчики - налево, девочки - направо. Было объявлено, что эшелон тронется без предупреждения. Из всех вагонов

стали выпрыгивать пассажиры и устраиваться в ближайших кустах по обе стороны от вагонов. Рувим помог выбраться Лиле с Валериком, а затем бабушке Фане, Гале и Хене. Дети попрыгали из вагонов сами. Едва успев справиться со своими делами и с трудом водворив женщин и детей на их места в вагонах, Рувим опять втиснулся в свой угол, и эшелон тронулся без всяких предварительных сигналов. Рувим только успел подумать, что кто-нибудь обязательно не успеет вовремя вернуться к поезду, как увидел выбирающуюся из кустов Зину. Она что-то кричала вслед уходящему эшелону и размахивала руками. Рувим со злорадством подумал, что есть справедливость на свете и что теперь путь к родственникам в вагон для них свободен. Осталось только дожидаться ближайшей остановки. Такая перспектива резко улучшила настроение и у Лили, и у Рувима, у которого от лежания в согнутом состоянии затекало всё тело. Лиля возобновила прерванную остановкой болтовню с вынужденным попутчиком. А Рувим предался размышлениям. У него перед глазами, как кадры кинохроники, промчались события последних дней. К действительности его вернули слова Лили:

-Валюша, а ты помнишь, какой сегодня день? Нет? А ведь сегодня - День твоего рождения. Мы все тебя поздравляем. Папа даже записал для тебя поздравление на "Говорящее письмо". Эту пластиночку мы послушаем, когда приедем к тётке Ханне в Ташкент. Подарочек я тебе вручу, когда мы попадём в вагон. А пока поешь кашку. И она принялась усердно кормить Валерика кашей из кастрюльки с длинной ручкой, похожей на "Малую медведицу". Голодному Валерику выбирать не приходилось, и он с аппетитом стал уплетать кашу, которую в той, мирной жизни, он бы в рот не взял. Еда подходила к концу. Лиля старательно выгребала со дна кастрюльки остатки каши. Неожиданно над их головами с воем пронёсся в сторону паровоза немецкий самолёт, а за ним второй. Самолёты летели так низко, что через стекло кабины были видны фигуры пилотов. От неожиданности Лиля выронила кастрюльку, и она со звоном запрыгала по шпалам, и скрылась под вагоном. Эшелон прибавил скорость. Повидимому, машинист хотел дотянуть до леса, который был виден уже неподалёку. Это ему удалось сделать лишь частично. К лесу успели подъехать только паровоз и несколько передних вагонов, как загремели взрывы бомб, и эшелон остановился. Из всех вагонов стали выпрыгивать люди и разбегаться в разные стороны в поисках укрытия. Лиля подхватила Валерика и бросилась в кусты, растущие в нескольких десятках метров от полотна дороги.

-Рувим, выручай бабушку! - крикнула она набегу.

Рувим подбежал к дверям вагона. Оттуда выпрыгивали люди. Он сначала принял из рук Хены Лёшика и отдал его Аллочке, потом помог Хене спуститься, и передав Хене Риточку, вместе с Галей с трудом сняли бабушку Фаню. Оля с детьми уже ждали их в кустах. Рувиму пришлось буквально силой тащить бабушку Фаню вслед за Галей и Хеной. Им удалось найти углубление в кустарнике, и они забрались туда, вздрагивая при каждом взрыве бомбы. Немецкие самолёты кружили над эшеленом, сбрасывая бомбы и стреляя из пулемётов. Паровозная сирена отчаянно редела. Создавалось впечатление, что огромный раненный зверь взывает о помощи. Эта жуткая обстановка подействовала на большую психику бабушки Фани. Она неожиданно вырвалась из рук Рувима, вскочила на ноги и бросилась навстречу несущемуся после очередного разворота немецкому самолёту. Стоя во весь рост, с дрожащей головой и развевающимися волосами, она размахивала над головой своими маленькими кулачками, посылая проклятия на русском и еврейском языках.

-Арихн дайн татен арайн! Зост би гиаргид верен! Убийца! Будь ты проклят!

Раздалась пулемётная очередь, и несчастная женщина рухнула на землю. Никто не осмелился к ней приблизиться. Тем временем в небе появилось ещё два самолёта. Это вызвало беспокойство у немецких лётчиков. Немецкие самолёты развернулись и бросились наутёк. Советские истребители, а это были они, принялись их преследовать. И те, и другие вскоре исчезли из виду. Немного подождав для верности, люди стали выбираться из укрытий и потянулись к своим вагонам. Рувим вслед за Хеной, Олей и Галей подошёл к лежащей бабушке Фане. Она была жива и тихонько стонала. Подбежала Лиля с Валериком. По её команде Лина принесла из вагона одеяло, на котором раненую осторожно перенесли к эшелону и с помощью соседей занесли в вагон. Женщины захлопотали вокруг бабушки, устраивая её поудобней и оказывая ей медицинскую помощь. Дети забрались на разложенные вещи, со страхом наблюдая за происходящим. Занятые этой работой, никто не заметил, как прошло время, и поездная бригада, завершив осмотр эшелона и убедившись в отсутствии серьёзных повреждений, дала сигнал к отправке. Прозвучал гудок, и эшелон дёрнулся, потом ещё и ещё. Только после этого Хена осмотрелась вокруг и отчаянно закричала:

-Аллочка! Доченька! Спасите мою девочку!

-Где она? - в тревоге спросил Рувим, оглядываясь по сторонам.

-Она пошла писать под вагон. Дура! Вечно она стесняется, - пробурчал Владик.

Рувим выглянул за дверь и увидел, как из-под начавшего двигаться вагона тянутся наружу детские руки. Аллочка пыталась выбраться из под вагона, но у неё не хватало смелости проскочить мимодвигающихся колёс. Рувим соскочил на землю и, буквально, выдернул Аллочку на ходу из-под набиравшего скорость вагона. Затем они подбежали к двери вагона, Рувим подхватил её на руки и передал в протянутые руки ожидавших в дверях людей. Он уже не видел, как Аллочку втащили внутрь вагона, потому что он провалился в воронку от бомбы, оставленную недавней бомбардировкой. Упав, он больно ушиб колено и грудь. Когда, кряхтя и охая, он смог стать на ноги, то увидел только хвост уходящего вдаль эшелона, который вскоре и вовсе исчез за поворотом, увозя дорогих ему людей.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Рувим выбрался из воронки и осмотрелся. Впереди - стена леса с узким проходом для железной дороги. Сзади - поле, покрытое редким кустарником. И никого. Ни людей, ни строений. Куда идти, что делать? Только теперь он осознал, что остался один без денег, без документов, без вещей и без еды. Близкие ему люди, за судьбу которых он был в ответе, уехали без него. Помочь ему они тоже никак не могут. Связанные детьми и раненной бабушкой, они едва ли смогут покинуть эшелон из-за серьёзной опасности застрять на незнакомой станции. Значит дожидаться его где-нибудь поблизости они не смогут. Догнать эшелон без денег и документов он тем более не сможет, так же, как добраться самостоятельно в Ташкент. А если не в Ташкент, то куда? При его явном польско-еврейском акценте его арестуют на ближайшей станции. Об этом свидетельствует его печальный львовский опыт. И даже, если и не арестуют, то куда ему податься без денег, вещей и документов? Хорошо ещё, что не успели заехать слишком далеко. Можно попытаться вернуться в Могилёв. Там дядя Веня, друзья, школа. Ему там помогут оформить необходимые документы, хотя бы справку выпишут в школе. Дядя Веня сможет поддержать его деньгами, и тогда он попытается ещё раз уехать вместе с Ильёй и

Лориной семьёй. Или может быть удастся попасть в команду дяди Вени. Размышляя таким образом, Рувим принял окончательное решение возвращаться домой в Могилёв. Он вспомнил, что ещё совсем недавно эшелон останавливался и заправлялся водой на какой-то станции. Рувим тогда дремал и не заметил её названия. И он решил идти на эту станцию в надежде, что там будут заправляться водой эшелоны, идущие на запад, и может быть удастся попасть в какой-нибудь из них. Эта мысль его приободрила, и он побрёл назад вдоль железнодорожной линии. Он дотащился до станции в середине ночи и совершенно обессиленный рухнул на скамейку на самом краю платформы. И тут же заснул. Проснулся он от шума подъехавшего воинского эшелона, направляющегося на запад. Около Рувима остановился последний вагон. Это был обычный пассажирский вагон, из дверей которого на перрон со смехом и шумом “высыпали” женщины в военной форме и забегали вдоль эшелона. Осторожно приоткрыв дверь, Рувим пробрался в вагон. Никого не встретив, он юркнул под ближайшую скамейку, прикрытую шинелью, и забился в угол. Вскоре в вагон вернулись военные женщины. Они оживлённо болтали, смеялись и обсуждали мужские достоинства и недостатки своего начальника. Поезд тронулся, и женщины, сбросив сапоги, улеглись на скамейки, продолжая болтать. Постепенно они утомнились, и Рувим тоже крепко заснул под стук колёс. Проснулся он от пронзительного женского визга и увидел испуганное женское лицо.

-Девочки, шпион!

-Ну-ка, дай гляну, что там за шпион, - прозвучал властный голос другой женщины, - А ну, вылезай! Ты кто такой?

Увидев, что перед ними растерянный парнишка, женщина и её спутницы успокоились и принялись хохотать. Рувим рассказал им свою историю и попросил их не выгонять его и дать возможность добраться, как можно ближе, к Могилёву. Женщины, а вернее, девушки преисполнились сочувствия к Рувиму и стали упрашивать старшую из них по возрасту и званию спутницу уважить его просьбу.

-Нет, не могу! Мы едем не на гулянки, а на фронт. Я обязана доложить начальству. Как он решит, так и будет. Пойдём со мной, - скомандовала она и, накинув гимнастёрку, повела Рувима в противоположный конец вагона. Там она постучала в дверь купе проводника.

-Товарищ лейтенант, разрешите. Прошу извинить, но дело не терпит отлагательств. Вот “Зайца” обнаружили.

-Заходите.

Рувим зашёл в слабо освещённое купе. Навстречу ему поднялся высокий военный, который сердито спросил:

-Ты кто такой и что здесь делаешь? Постой-ка. Ба, знакомые все лица! Старик, какими судьбами? А где Лиля, дети? Я слышал, что вы уехали.

Услышав знакомый голос и внимательно присмотревшись, Рувим узнал в строгом командире весёлого Гришку Фридлянда и преисполнился радостной надеждой на благополучный исход этой встречи. Однако, напоминать об их прежнем знакомстве при посторонних он не решился.

-Товарищ лейтенант...., - начал Рувим.

-Подожди минуточку. Лидочка, вы можете быть свободны. Продолжай, Рувим, только без всяких чинопочитаний. Слава Богу, мы вместе водку пили, а это много значит. Рувим кратко рассказал, что произошло за прошедшие дни, и попросил не выгонять его, как можно, дольше.

-Ты что, с ума сошёл? Ты представляешь, куда ты лезешь? - воскликнул Гришка.

-Я не надолго. Мне Вени поможет оформить документы и даст немного денег.

Тогда я смогу уехать опять.

-Сомневаюсь я, что у него будут возможности тобою заниматься. Ладно. Всё равно сейчас тебя некуда девать. Езжай пока, а там будет видно. Ты, конечно, голодный.

Садись, перекуси.

Пока Рувим доедал остатки мясных консервов из банки с куском хлеба, Гришка сообщил, что в Армии он с 24 июня, а в этом медсанбате - уже неделю.

-Вот видишь, опять девками командую, - усмехнулся он.

Поев, Рувим окончательно осоловел. Глаза у него слипались, и он клевал носом.

Увидев его состояние, Гришка добавил:

-Ну, вот и ладушки! Ложись, покимарь, а у меня - дела!

И вышел из купе. Рувим откинулся на скамейку и тут же заснул.

Проснулся Рувим от того, что Гришка тряс его за плечо.

-Вставай, старик! А то проспишь всё на свете. Наша машина идёт в Могилёв. Я договорился, тебя подбросят до города, а там доберёшься сам. Мне удалось тебе выправить документик, а то, не приведи Господь, нарвёшься на патруль. Тогда беды не наберёшься. И на, возьми вот немного денег. Бери, бери! Они мне здесь без надобности. И постарайся там не задерживаться. Уладь дела и сматывайся побыстрее. Ну, с Богом. И подталкивая к выходу из вагона плохо соображающего со сна Рувима, он подвёл его к стоящей неподалёку "полуторке", которая тут же сорвалась с места и покатила по пустынной дороге. Было раннее прохладное утро. Рувим трясся на дне кузова подсакивающей на ухабах машины. Он окончательно проснулся и обнаружил зажатый в руке лист бумаги, который удостоверял, что Рувим Рабин, 1925 года рождения является вольнонаёмным рабочим медсанбата воинской части номер такой - то. Справку украшал автограф начальника и жирная печать. Сердце Рувима наполнилось благодарностью к Гришке. Эта справка в значительной мере облегчала получение более надёжного документа и на первых порах служила какой-то защитой в случае неожиданной встречи с бдительными работниками НКВД, повсюду ищущими шпионов и диверсантов.

После двух часов езды машина достигла окраины Могилёва и остановилась около каких-то складских помещений. Рувим спрыгнул на землю, распрощался и бодро отправился к центру города. Круг замкнулся.

Рувим не был в городе всего несколько дней, но ему показалось, что здесь за это время произошли какие-то значительные перемены. Он сразу даже не мог понять, какие. А потом догадался. Не было привычной людской суеты, шума голосов и движущегося транспорта. Возле больших домов появились бочки с водой и ящики с песком. Рувим шёл по пустынным улицам. Казалось, что город замер в тревожном ожидании неотвратимой беды.

Как и следовало ожидать, Вени дома не оказалось. В душе Рувим был огорчён и разочарован, хотя он мало сомневался в таком результате. Ни Ильи, ни Борьки дома тоже не было. Рувим решил зайти к Лоре, которую он поместил вместе с матерью в своём доме. Лора встретила его с удивлением и радостью. Она рассказала Рувиму, что Борька с матерью уехал в Стайки, Илью Николай Иванович с помощью Вени пристроил вольнонаёмным рабочим в свою бригаду. Там хоть кормят. Илья уже проел все деньги, которые у него оставались после отъезда матери, а сидеть у тётки на шее он не хочет.

-И чего это его мать понесло в Волковыск? Где это? - спросил Рувим.

-В Гродненской области на границе с Польшей. Муж её сестры там служит. Там прекрасные леса, море ягод, грибов, дешёвые продукты. Мать успела прислать письмо, что они отлично отдыхают. А тут война. Они, возможно, не смогли выбраться. От них нет никаких сведений. Илья не знает, где их искать и что самому делать.

-А Николай Иванович у вас часто бывает?

-Часто. Почти каждый вечер забегает. Они с Ильёй нас подкармливают. Если бы не они, мы бы с мамой, наверное, не выжили. Ты же знаешь, у нас пропали все деньги и почти все вещи. Николай Иванович отдал нам все свои накопления. За счёт этого и выживаем. И тебе спасибо. Есть крыша над головой. А ты располагайся. Это твой дом. Если необходимо, мы можем перебраться к Николаю Ивановичу. Дядя Коля нам давно это предлагает.

-Не беспокойся. Я ещё сюда приду. Сейчас я сбегаю в школу. Мне нужны какие-нибудь документы, подтверждающие, что я - это я. Попрошу справку с места учёбы. А как мама?

-Пока ещё не очень хорошо. У неё обострилась стенокардия. Болит сердце. Лекарства все пропали, а новых не достать. Лечимся народными средствами. Из-за частых сердечных приступов приходится всё время сидеть возле мамы. Никуда не могу надолго отлучиться. А еду сейчас добывать очень трудно. Конечно, надо срочно уезжать из Могилёва, но мама дороги не выдержит. Дядя Коля говорит, что скоро уже выбраться будет невозможно. Он обещал что-нибудь придумать. Вечером он, наверное, подойдёт. Поговори с ним. Он поможет тебе отыскать твоего дядю Веню.

-Хорошо, я вечером буду у вас, - заверил Рувим.

И побежал в школу. Однако, там теперь располагалось какое-то военное учреждение. Около здания стояло несколько военных машин, туда - сюда сновали люди в военной форме. Никто не знал, где сейчас находится администрация школы и остался ли вообще кто-нибудь из них в городе.

Побывал Рувим и у дяди Миши. Старики пребывали в крайней растерянности, но покидать город по-прежнему не хотели. Рувим поделился с ними деньгами. Наобнимавшись с Рексом, Рувим с тяжёлым сердцем оставил стариков и продолжил поиск инстанции, в которой он мог бы получить необходимые документы. Однако, потеряв целый день, он понял, что самостоятельно он ничего не добьётся. В условиях страшной опасности, которая угрожала городу, заниматься Рувимом и его мелким делом никто не хотел. Его попросту не слушали и отфутболивали от одного чиновника к другому. А когда в одной из организаций его пообещали арестовать, он решил больше не искушать судьбу. Раздобыв по дороге кое-какой еды, он вернулся к Лоре. Поздно вечером, как и ожидалось, появился Николай Иванович. Он сказал Рувиму, что Веня вырвался на ночь домой, чтобы помыться.

-Мы с тобой ещё поговорим. А сейчас ты беги быстрее, пока на улице тихо. Сейчас нельзя терять время, - посоветовал Николай Иванович.

Когда Рувим ворвался в квартиру Ольховских, Веня просто остолбенел.

-Рувим, это ты? Что случилось? Где Хена, Лиля, дети?

Выслушав рассказ Рувима и узнав, что близкие ему люди благополучно движутся в эшелоне на восток, он несколько успокоился.

-Прямо скажем, твоё положение хуже губернаторского. Чуть раньше или чуть позже Могилёв придётся оставить. Сюда придут немцы. Что они здесь устроят, ты уже можешь представить. В ближайшие дни тебе надо постараться отсюда выбраться, иначе

будет поздно. Денег я тебе немного дам, а вот с документами дело посложней. Повсюду хаос, беспорядок. Я попробую узнать, что к чему. А ты походи пока со своим другом Ильёй на работу. Это лучше, чем болтаться без дела. К тому же, там кормят. А сейчас иди помойся. Думаю, что бомбёжки сегодня не будет. Боюсь, что немцы придумали что-то поумнее, чем переть в лоб на Могилёв.

Рувим с наслаждением вымылся под горячим душем, а потом ел вместе с Веней его нехитрый ужин. Что бы ни ел Веня, он всегда это делал с огромным аппетитом и заражал этим всех окружающих. Поэтому Рувим получал от совместных трапез с Веней огромное удовольствие, независимо от содержания блюд. Наутро Веня отвёл Рувима в свою строительную бригаду, где Рувим присоединился к Илье и Николаю Ивановичу. Друзья обнялись, но для более тёплого выражения чувств не было никаких возможностей. Их тут же отправили на возведение баррикад на улицах города. Работали до темна. Кормили их дважды в день. Ночевать отпускали домой. Ребята уставали так, что сил хватало только, чтобы добраться до кровати. Так продолжалось несколько дней. Наконец, Веня разыскал вечером Рувима и передал ему справку, удостоверяющую его личность и некоторую сумму денег. Он сказал, что Николай Иванович договорился со своим знакомым капитаном брандвахты, с которым Рувим плавал в Шклов, что он захватит его, Илью и Лору с матерью. Капитану было поручено доставить военный груз в Шклов, а затем следовать дальше в Смоленск. Брандвахта отправляется сегодня ночью. Рувим с Ильёй должны доставить Лидию Ивановну, Лорину мать, вовремя на пристань. С этой задачей ребята справились неплохо. Отплывали в предрассветных сумерках. Опытный капитан, много лет проплававший в этих местах, уверенно вёл своё судно по фарватеру. С запада доносились звуки ожесточённого боя, но густой туман надёжно скрывал судно от противника, и их никто не тревожил. Однако, по мере продвижения судна на север, обстановка изменилась. Со стороны Шклова стали доноситься звуки артиллерийской канонады и взрывов авиационных бомб. Туман поредел, и в небе стали видны эскадрильи немецких самолётов, пронесившихся одна за другой в сторону Шклова. Над городом поднимались клубы чёрного дыма. Удостоилась внимания и их брандвахта. Несколько немецких самолётов пошли на неё в атаку. С брандвахты их встретили огнём из спаренного зенитного пулемёта. При этом, капитан сделал манёвр и увёл брандвахту назад в зону густого тумана, где немцы потеряли её из вида. Благодаря этому удалось избежать серьёзных жертв и разрушений. Были раненые и небольшие повреждения, вызванные пулемётным огнём с самолётов.

Атака немецких самолётов застала Рувима и Илью на палубе. События развивались так быстро, что они даже не успели испугаться. А когда один из пулемётчиков получил серьёзное ранение, они сумели затащить его в каюту и передать на попечение Лоры и её матери.

Капитану стало очевидно, что дальше на север он прорваться не сможет. На его запрос он получил распоряжение возвращаться назад. Из-за немецкого наступления в районе Шклова общая обстановка резко изменилась, и полученное задание отменялось. Пришлось возвращаться назад, не солоно хлебавши, и через несколько часов они были уже дома. Затем Илья и Рувим уже докладывали Вене и Николаю Ивановичу о своей неудаче. Венины опасения, увы, начинали оправдываться слишком быстро. Уже к вечеру в городе распространились слухи о прорыве немцев в районе Шклова и их попытках обойти Могилёв с севера. Возможностей благополучно покинуть город становилось всё меньше, и с каждым днём эти возможности сокращались как “Шагреневая шкура”. Стало

также известно, что немцы совершили обходный манёвр с юга, захватили Рогачёв и Жлобин, а затем взяли Чаусы и вышли восточнее Могилёва, до предела осложнив исход беженцев из города.

После неудачной попытки эвакуироваться Лидия Ивановна совсем сдала, и об её отъезде в ближайшее время не могло быть и речи. Илья категорически отказывался оставить Лору одну с больной матерью. Таким образом, Рувим мог рассчитывать только на себя. А он колебался, тянул вопреки настойчивым советам Вени и Николая Ивановича и окончательно упустил время. После падения Чаусов Рувима оставили в покое. Наоборот, Вени велел Рувиму не покидать бригаду даже на ночь, так как в любой момент могла последовать команда войскам покинуть город. Однако, давать такую команду начальство не решалось. Стройбат, который всё время перебрасывался с места на место, был направлен на возведение укреплений западнее Могилёва у дороги Белыничи - Могилёв. Рувим и Илья трудились рядом. Работы велись в напряжённом режиме круглые сутки, и ребята окончательно потеряли счёт времени. Если на первых порах приходилось работать при интенсивных налётах авиации и артиллерийских обстрелах, то постепенно их интенсивность значительно снизилась, что вызвало у Вени большую тревогу. Рувим слышал, как он говорил Николаю Ивановичу, что это очень плохой признак. Особенно не нравилось Вени, что немцы перестали бомбить мост через Днепр, который он неоднократно ремонтировал. Это свидетельствовало о том, что они рассчитывают захватить мост, причём не лобовым ударом через город, а в обход с юго-востока или с севера.

-Мы делаем никому не нужную дурную работу! - с жаром доказывал он Николаю Ивановичу, - Если немцы выйдут к мосту, мы уже отсюда не выберемся. Однако, это был глас вопиющего в пустыне. Никто из начальства его не слышал, и хорошо, что не слышал. В той обстановке могли расстрелять, как саботажника и паникёра. Сложилось впечатление, что никто уже никем не управляет, а раскрученный маховик армейской жизни просто крутится по инерции. А поскольку приказа никто не отменял, приходилось делать работы, явно никому не нужные. Увы, Вени опять оказался хорошим пророком в плохих делах. И когда стало ясно, что из города уже не выбраться, Вени велел Рувиму и Илье немедленно добираться домой и, по возможности, некоторое время не высывываться.

Рувим с Ильёй вернулись в город. Умудрённый печальным опытом, приобретённым в Лодзи, Рувим попытался заpastись каким - нибудь провиантом. Однако, здесь он преуспел мало. В городе царили хаос и безвластие. Толпы мародёров бродили по городу, били витрины, грабили магазины и склады. Рувим и Илья были свидетелями, когда весело переключаясь и подбадривая друг друга, толпа вломилась в промтоварный магазин и принялась вытаскивать оттуда тюки с одеждой и ковры. Грабители организовали настоящий живой конвейер. Несколько человек вытаскивали вещи и передавали их стоящему у разбитой витрины товарищу, а тот перебрасывал их другому, который складывал их в тележку. Появились опоздавшие. Увидев, что им может ничего не достаться, часть из них вступила в бой с более расторопными конкурентами. Здоровенный мужчина напал на женщину, тащившую в охапку кучу роскошных гардин, и попытался вырвать у неё добычу. Он тянул гардины на себя и мотал их из стороны в сторону. Женщина не отпустила их и осыпала противника отборной бранью, пытаясь пнуть его ногой. Наконец, мужчине удалось свалить её на землю, и он поволок её по булыжной мостовой. Это безобразное зрелище вызвало у ребят чувство острого отвращения, и они

поспешили покинуть место битвы, так и не дождавшись её завершения. В тот же день они видели, как из подъезда большого дома несколько дюжих парней деловито вытаскивали и грузили в телегу, запряженную лошадью, диван и трельяж, а бородатый мужик кричал им, чтобы они были поаккуратней. Вслед за магазинами настала очередь безхозных квартир. Изредка случались грабежи богатых квартир, хозяева которых оставались дома. Они всегда кончались трагически. Наступила пора безвременья, когда все пребывали в страхе за свою жизнь и имущество, и ожидали наступления ещё более страшных событий. Опасаясь за судьбу Лоры и её матери, Илья дежурил в их доме. Рувим тоже старался не покидать квартиру Ольшевских. Так продолжалось до появления в городе немцев. Они повесили несколько мародёров, и грабежи в общественных местах резко пошли на убыль.

Сопrotивление Красной Армии в окрестностях Могилёва было сломлено. В течение нескольких дней по центральным улицам города немцы гнали многочисленные колонны военнопленных в сторону моста через Днепр. Говорили, что в Луполово на территории аэродрома, немцы организовали лагерь для военнопленных. Рувим бегал смотреть, нет ли среди пленных Вени или Николая Ивановича. Пленные понуро брели в сопровождении немногочисленной охраны, грязные, заросшие щетиной, многие в окровавленных бинтах и окровавленных гимнастёрках. За прохождением колонн наблюдали жители города, кто в надежде увидеть родных или знакомых, кто с искренним сочувствием, кто просто с любопытством, а кто и с откровенным злорадством. Некоторые сердобольные женщины плакали. Были попытки передать в колонну куски хлеба, но охрана их решительно пресекала.

-Шнеллер, шнеллер! - покрикивали охранники на замешкавшихся пленных, подкрепляя слова ударами прикладов винтовок.

После нескольких дней бесплодных ожиданий поздним вечером, когда Рувим уже улёгся в кровать, в квартиру собственной персоной ввалился тот, кого он так тщетно высматривал. Это был дядя Веня в сопровождении какого-то долговязого военного. Увидев знакомый силуэт в проёме двери, Рувим кубарем скатился с кровати и, причитая что-то невнятное, прижался к потной гимнастёрке дяди Вени.

-Ну, полно, полно! Всё хорошо, успокойся! - сказал растроганный дядя Веня, пропуская в комнату своего спутника, - Заходи, Григорий.

-Ну, старик, поистине, от тебя никуда не деться! - услышал Рувим знакомый голос, - Я, конечно, рад тебя видеть, но лучше бы ты грелся сейчас под Ташкентским солнцем, ел арбузы и дыни, и слушал про нас в сводках "Последних известий".

В ответ Рувим только и смог выдавить из себя:

-Гриша!

Да, это был Гришка Фридлянд в рванной красноармейской гимнастёрке явно с чужого плеча, из коротких рукавов которой торчали длинные Гришкины руки. И пока при свете свечи изголодавшиеся Веня с Гришкой с наслаждением хлебали малосъедобную баланду, сваренную Рувимом на ближайшие три дня, для которой даже трудно было бы подобрать подходящее название, Веня кратко поведал Рувиму о том, что с ними произошло за последние дни.

В условиях воцарившейся неразберихи о них никто не вспомнил. Однако, им удалось примкнуть к частям, прорывавшимся на восток севернее Могилёва. Но силы были слишком неравны. Немцы расчленили прорывающихся на небольшие группы и методично и хладнокровно их уничтожали или захватывали в плен. Пленных собирали вместе и формировали из них маршевые колонны. Политработников и военнослужащих с

ярковыраженной еврейской внешностью расстреливали не месте. Вене с Николаем Ивановичем удалось затеряться в толпе пленных красноармейцев. Там они встретились с Гришей, который сумел уже к этому времени переодеться в гимнастёрку убитого красноармейца. С Гришей Веня был знаком благодаря Лиле. Они узнали друг друга и в дальнейшем держались вместе. Их колонну прогнали через Могилёв, и когда они подошли к мосту через Днепр, начелся налёт советской авиации. Воспользовавшись возникшей суматохой, Веня, Гришка и Николай Иванович рванулись в сторону и побежали по улицам, примыкающим к Днепру. Охране было не до них, и их никто не преследовал. Прекрасно зная город, Веня и Николай Иванович сумели быстро найти безопасное место, где они и отсиживались до наступления темноты. Затем они осторожно отправились по своим домам, стараясь не напороться на патруль. Вене с Гришкой повезло, и они благополучно добрались домой, хотя одна из центральных улиц города - Первомайская улица сейчас меньше всего подходила для ночных прогулок.

-А что мы могли там сделать? - не удержался Гришка, с грустью заглядывая в опустевшую кастрюлю, - Сила ломит и солонушку. Это чудо, что мы ещё живы остались.

-Давайте оставим эту тему. Сейчас не время для глубокомысленных бесед. А вот помыться бы не мешало. Я буквально зарос грязью. Рувим, дровишки ещё остались?

-Дровишки остались, да вот воды нет. Только то, что в ведре. Вечером натаскал.

-Ладно, спасибо и за то. Разделим с Григорием по-братски. Разжигай, Рувим, плиту, согреем воду. Заодно и от тряпья этого избавимся. Надо приобрести цивильный вид. А вскоре Рувим поливал горячую воду из кружки на похудевшее тело Вени и совершенно оттощавшее костлявое тело Гришки. А потом Гришка, примеряя Венины "семейные" трусы, раздвигая их кончиками пальцев, как юбку, в разные стороны, размахивал длинными мосластыми ногами, выделявая балетные "Па", напевал:

-Смотрите здесь, смотрите там, нравиться ль всё это вам?

Угомонились только под утро. Веня с Гришкой проспали более суток. За это время Рувим успел восстановить запасы воды и наварить новую порцию своей "баланды". На этом его кулинарные фантазии исчерпывались. Проснувшись, Веня сел на кровати и, осмотревшись, спросил у Рувима:

-Скажи, кто-нибудь из соседей заходил сюда?

-Да, ещё до появления немцев приходила Ирина с третьего этажа, спрашивала про Хену Марковну, и соседка по площадке, такая настырная баба. Она всё пыталась зайти в квартиру, но я её не пустил. Интересовалась, кто я такой и что здесь делаю.

-Ну, и что ты ей сказал?

-Сказал, что я - племянник хозяина, и охраняю квартиру до его возвращения из командировки.

-А, это Полина Кузьминична из нашего отдела кадров. От неё просто так не отделаешься. Видно, её любознательность возникла не просто так. Увы, придётся нам отсюда выбираться. Квартира со всеми удобствами в центре города - слишком лакомый кусок для многих. Кроме того, все соседи знают, что это - еврейская квартира. Так что вот - вот следует ждать нежелательных гостей. Вопрос только в том, куда нам теперь податься.

И гости не заставили себя ждать. Рувим услышал, как в дверь кто-то потихоньку скребётся. Осторожно приоткрыв дверь, он увидел Николая Ивановича и Елизавету Ивановну. Они прошли в комнату, где полуголый Гришка вышагивал, как журавль, в своих "семейных" трусах.

-Пардон, мадам, я без галстука! - воскликнул Гришка, прикрывая руками волосатую грудь и делая вид, что ужасно смущён, - Это вот они меня ограбили и ничего взамен не дают.

-Попробуй, что-нибудь подбери для такого длинного типа, - отшучивался Веня, который и сам был немалого роста.

Получив Венины старые штаны и рубашку, Гришка отправился в соседнюю комнату одеваться. Когда он вскоре вышел оттуда, все присутствующие с трудом смогли сдержать улыбки, так как в явно коротких для него штанах он напоминал циркового клоуна.

-Мы добрались до вас с огромным трудом,- сказал Николай Иванович, - Весь центр наводнён армейскими патрулями. В городе полно полицаев. Это местные и приезжие подонки. Ходят с белыми повязками и суют свой нос повсюду. Хотят выслужиться перед немцами.

-У вас в доме очень любопытные соседи. Когда мы подходили к вашей двери, мне показалось, что из соседней квартиры за нами следили, - добавила Елизавета Ивановна.

-Вам надо отсюда выбираться, и как можно скорее. Нельзя терять время, - продолжил Николай Иванович.

-Я согласен с тобой, Коля! -ответил Веня, - Но куда?

-Мы об этом с Лизой уже подумали. Сегодня моя сестра Лида с Лорой переберутся ко мне, а вы - на их место в Лёвину квартиру.

-А ты куда?

-Мы договорились с Лизой жить вместе, - смущаясь ответил Николай Иванович.

-Давно пора. Поздравляем вас! - обрадовался Веня.

Рувим и Гриша дружно присоединились к поздравлениям.

-Сегодня и начнём. Соберите самые необходимые вещи, и мы сразу же будем их понемногу переносить. Вы же уйдёте из дома ближе к вечеру перед комендантским часом. Немцы и полицаи вылавливают переодетых окруженцев. Повсюду висят объявления, и их зачитывают по громкоговорителям, установленным на машинах, разъезжающих по улицам. Призывают выявлять командиров, комиссаров, коммунистов. За укрывательство - смерть. Евреев тоже не жалуют. А все соседи знают, что ты, Веня, в армии, да еврей к тому же. А у Гриши так на носу написано, что он переодетый военный. Ему надо срочно приобрести пристойную одежду, - сказал Николай Иванович, - Кроме того, мы хотели посоветоваться с вами по важному делу. Очевидно, что в Могилёве вам оставаться нельзя. Раньше или позже, но вас выловят. Да и нам здесь делать нечего. Но без надёжных документов нам не выбраться. Лизе предложили работу в городской управе. Там мать нашего ученика Роберта Лейманса - какой-то начальник. Она и рекомендовала Лизу как человека, знающего несколько языков и к тому же пострадавшего от Советской власти. Лиза не хочет, упирается, но я думаю, что мы её уговорим.

-Да, это было бы очень неплохо! - поддержал Николая Ивановича Веня, - Подумай, Лиза. Игра явно стоит свеч.

РЕКС

Для перевозки вещей очень пригодилась Лёшина детская коляска - и нести легче, и какая-то маскировка. Издалека не видно, что находится внутри коляски, а молодая пара, выгуливающая ребёнка, даже с вещами в руках, выглядит вполне безобидно и не привлекает к себе особого внимания. В течение дня Николай Иванович и Елизавета Ивановна сделали несколько рейсов и перевезли основную часть вещей, намеченных к

перевозке. Был выявлен также наиболее безопасный маршрут движения. Во второй половине дня в перевозке принял участие и Рувим, которого взяли для того, чтобы ознакомить с этим маршрутом. Когда, казалось, что эту опасную работу можно завершать, Веня вдруг вспомнил про приёмник.

-Да, задачка не из простых, - растерянно произнёс Николай Иванович, - Оставлять такую ценность жалко, а перевозить страшно. Если поймают, застрелят на месте. Но, как говорится, Бог не выдаст, свинья не съест. Кто не рискует, тот не пьёт шампанского. Рискнём.

И рискнули. Уложили приёмник в коляску, накрыли одеяльцем и ажурным покрывалом. Отправились в путь втроём. Впереди шёл Николай Иванович, за ним на расстоянии 70 метров катили коляску Рувим и Елизавета Ивановна. Им повезло и на этот раз. Они добрались никем не замеченные. Николай Иванович потом признался, что у него от напряжения рубашка на спине стала мокрой. Приёмник завернули в одеяло и опустили на верёвке в подвал, чтобы не попался на глаза случайному посетителю.

Попозже к вечеру перед самым комендантским часом было осуществлено и основное переселение. Веня, Рувим и Гришка осторожно выбрались на лестничную площадку, и Веня принялся запирает дверь в квартиру. И тут, как будто этого момента уже ждали, из соседней квартиры выглянула пожилая женщина и пропела елевым голосом:

-Здравствуйте, Вениамин Исаакович! С возвращением вас! Как здоровьице? А Хена Марковна тоже вернулась?

-Спасибо, Полина Кузьминична! У нас всё в порядке. А Хена не вернулась. Полина Кузьминична пыталась продолжить разговор, ощупывая при этом взглядом Вениных спутников.

-Извините, Полина Кузьминична, мы очень торопимся, - прервал поток её красноречия Веня.

-Укараулила всё - таки, старая карга! - бурчал Веня, спускаясь по лестнице, - Ох, это неспроста! Очень мне это не нравится!

По улице пошли с интервалами в 50 метров. Впереди шёл Рувим, выглядывая, нет ли поблизости какой - либо опасности. За ним вышагивал своими журавлиными ногами в коротких штанах Гришка, и замыкал движение Веня в новом выходном костюме. Дойдя до угла Первомайской улицы, Веня инстинктивно оглянулся. Он увидел, что возле дома его дорогая соседка о чём-то горячо говорит двум вооружённым полицейам, указывая на него рукой.

-Ребята, ходу! - крикнул Веня своим спутникам и, перейдя на рысь, резко свернул в ближайший переулок. Тех не пришлось долго просить. Они тоже побежали вперёд, сворачивая на ближайших перекрёстках. Этим они запутали преследователей, но двигавшийся впереди Рувим тоже окончательно запутался и не знал, куда дальше идти. Пришлось изменить диспозицию, и вперёд выдвинулся Веня, хорошо знающий город. Он то и вывел благополучно своих задыхающихся спутников к дому брата.

Произошедшее событие показало, что возвращение в квартиру на Первомайской улице теперь сопряжено с неоправданным огромным риском и практически невозможно. А те вещи, которые по какой-то причине забыли забрать из квартиры, можно считать окончательно потерянными. И, как показали дальнейшие события, таких вещей оказалось, увы, немало.

На следующий день к новосёлам забежала Елизавета Ивановна и, захватив деньги и Рувима себе в помощь, отправилась на рынок. В эти первые дни оккупации новые власти сосредоточили своё внимание на ликвидации последствий военных действий, стараясь выловить переодетых военных и сторонников Советской власти, ликвидировать воров и мародёров, навести дисциплину, и на подростков даже еврейской национальности они особого внимания пока не обращали. Поэтому те могли ещё свободно шнырять по городу. Веня подготовил вещи для продажи на рынке, но Елизавета Ивановна посоветовала с этим повременить, так как рынок заполнен вещами, добытыми мародёрами в ограбленных квартирах. У одной бойкой бабёнки удалось приобрести вполне сносный костюм для Гришки. Она, видимо, никак не могла его сбить, так как он был сшит на очень нестандартную фигуру, и покупателей на него не находилось. Поэтому она долго не торговалась и уступила костюм за смешную цену. В довершении всего Рувиму удалось подобрать некоторое количество костей, выброшенных при разделке свиной туши. На них оставались небольшие остатки мяса, и Рувим подумал, что сможет, наконец, навестить Рекса не с пустыми руками.

Довольные успешной торговлей, Елизавета Ивановна и Рувим вернулись домой. Приунывший было совсем, Гришка встретил обновку с восторгом и заявил, что сегодня же вечером он обязательно пойдёт по явкам, то бишь, по девкам, и никакие немцы и полиция не смогут в этом ему помешать. А Рувим, несмотря на явное неудовольствие Вени, отправился в гости к дяде Мише и Рексу, дав клятвенное обещание вернуться домой ещё до наступления комендантского часа.

Дядя Миша и тётя Соня встретили Рувима с большой радостью. А про Рекса и говорить не приходится. Старики терпеливо дожидались пока Рувим и Рекс изливали друг на друга свою любовь и восторги, и когда Рекс, наконец, занялся косточками, подошла их очередь засыпать Рувима вопросами о его неудачной Одиссее. Рассказ Рувима они сопровождали бурным выражением их эмоций, а когда речь зашла о ранении бабушки Фани, тётя Соня не выдержала и разрыдалась. Дядя Миша философски изрёк, что война только началась, а уже столько горя успела принести людям. Затем дядя Миша в свою очередь поведал о том, как прожили они эти дни, после отъезда Рувима. Перед самым началом войны они успели получить свои пенсии, а дядя Миша - ещё и получку и отпускные. То есть, всё было, как в обычные годы, когда общежитие закрывалось на каникулы, и работники распускались в отпуск на всё лето. Но обычно старики снимали за символическую плату комнатку в деревне Тумановка. Там они отдыхали с 1 июля по 20 августа, собирали грибы и ягоды, варили варенье, делали заготовки на зиму. Там же обычно отдыхали ещё несколько их приятелей, с которыми они вечерами расписывали “пулечку” или играли в “дурачка”, пили чай и, не торопясь, обсуждали мировые проблемы. Война разрушила привычный неторопливый уклад их жизни. Старики пока не голодали, так как, готовясь к дачному летнему сезону, тётя Соня, как обычно, заранее запаслась с избытком продуктами, и в первые дни войны предусмотрительно прикупила ещё. Бомбёжки, боевые действия и репрессии новых властей пока их не коснулись. Однако, старики постоянно испытывали чувство страха и неуверенности в завтрашнем дне. Большинство из их друзей и знакомых покинули город. Ближайшие соседи, с которыми они поддерживали отношения, сами ничего толком не знали и питались случайными и противоречивыми слухами. В таких условиях дядя Миша страдал особенно сильно, лишённый необходимого ему общения и привычной молодёжной аудитории. Единственной отдушиной, единственным безотказным и терпеливым слушателем у дяди

Миши оставался Рекс. Он внимал его сентенциям, преданно глядя ему в глаза, тихонько повизгивая и махая хвостом. Вот только ответить дяде Мише и смеяться в нужный момент он не мог. Поэтому появление Рувима было для стариков и особенно для дяди Миши манной небесной. Они наперебой засыпали Рувима вопросами о событиях на фронте, о положении в городе, о том, как Веня оценивает ближайшие перспективы. При этом тётя Соня явно доминировала в этом разговоре. Убедившись, что полноценно выговориться в присутствии жены ему не удастся, дядя Миша вдруг вспомнил, что Рекс ещё не был на улице, и предложил Рувиму пойти прогуляться, прихватив с собой Рекса. Выйдя за дверь, дядя Миша закурил неизвестно откуда взявшуюся недокуренную папиросу.

-Как ты думаешь, Рувим, что может быть лучше прогулки на свежем воздухе? Не знаешь? Отвечаю: посидеть с кружкой пива и солёной рыбкой в прокуренной пивной. Никогда не пробовал? Ничего, ещё попробуешь.

Они, не торопясь, брели по улице в сторону реки Дубровенки. У дяди Миши вдруг проснулся фонтан красноречия. Он старался максимально использовать возможности, которые представляло ему присутствие такого слушателя, как Рувим. Счастливый Рекс тем временем носился вокруг них, то убегая вперёд, то возвращаясь обратно. Неожиданно, из под ближайшего забора на дорогу выскочил большой чёрный кот. Увидев Рекса, он заметался по улице, а затем побежал по направлению к берегу реки. Рекс с лаем устремился за ним. Дядя Миша и Рувим тщетно кричали ему, пытаясь вернуть назад. Рекс не обращал на их призывы никакого внимания. Подождав немного, они принялись звать его опять, но Рекс не появлялся. Тогда дядя Миша достал из кармана милицейский свисток и засвистел. На недоуменный вопрос Рувима он пояснил, что в своё время ему выдали этот свисток, как и другим вахтёрам, чтобы при необходимости они могли вызвать подмогу. А сейчас он свистом зовёт Рекса, потому, что Рексу порой бывает трудно услышать дяди Мишин слабый голос. Однако, на этот раз Рекс не отреагировал и на свисток. Дядя Миша забеспокоился. Он сказал, что пора уже возвращаться домой, их ждут к обеду. Рувим решил пробежаться к реке и привести Рекса. Выйдя на берег реки, Рувим увидел Рекса, который мчался к нему изо всех сил, прижав уши и визжа от страха, а за ним гнался огромный лохматый пёс. Рекс подбежал к Рувиму и прижался к его ногам. Пёс остановился недалеко от Рувима, не решаясь начать атаку. Рувим подобрал валявшийся на дороге камень и приготовился к обороне.

-Эй, жидёнок! Ты что это удумал обижать нашего пса? - услышал вдруг Рувим, - Привык, небось, при большевиках курочек щупать да безобразничать? Так мы тебе сейчас морду быстро начистим.

Тут Рувим увидел, что со стороны реки к нему приближаются два здоровых парня. Один повыше, кудрявый с курносим носом. Второй пониже, кряжистый, с чёлкой на низком лбу и папироской в зубах.. Парень с чёлкой, сплюнув папироску, крикнул собаке:

-Палкан, взять их!

Пёс рванулся вперёд. Рувим отбил атаку, метнув в него камень, который попал псу в переносицу. В это же мгновение Рекс бросился к псу навстречу и вцепился зубами ему в шею. Однако густая шерсть не позволяла нанести противнику серьёзный ущерб. Пёс в свою очередь вцепился зубами Рексу в холку и, мотая головой, старался оторвать его от себя. Но это ему никак не удавалось сделать. Тем временем кудрявый парень успел подбежать к Рувиму и попытался с ходу ударить его наотмашь кулаком по голове. Рувим уклонился от удара и в свою очередь нанёс в ответ два классических прямых удара по

подбородку. Нападающий осел на землю и с недоумением разглядывал оттуда невзрачного малыша, сумевшего так мастерски его отделать. В это время подоспел и парень с чёлкой. Он ударил Рувима в пах ногой, но Рувим перехватил руками его ногу и дёрнул на себя. Парень, охнув, рухнул на землю. В этой благоприятной ситуации Рувиму следовало бы уносить побыстрее ноги. Он наверняка смог бы оторваться от противников, но не мог решиться оставить своего маленького друга на верную гибель. В это время кудрявый парень уже встал на ноги и с рёвом ринулся на Рувима. Вот когда пригодилась школа Ивана Николаевича. Рувим, как на тренировке, отпрянул в сторону, и парень пролетел мимо, получив по дороге удар в голову. Теперь Рувиму пришлось уворачиваться уже от второго противника. Какое-то время ему удавалось ловко маневрировать, заставляя противников сталкиваться и мешать друг другу. Но, наконец, они сообразили, что надо изменить тактику. Парень с чёлкой изловчился и бросился Рувиму в ноги, повалив его на землю. Тут же второй парень всей тяжестью своего тела прижал Рувима к земле и принялся молотить его кулаками, сопровождая удары отборным матом. Рувим с трудом защищался, но понимал, что его дело плохо. В это время раздался резкий милицейский свисток и крик:

-Ну ка, прекратить немедленно!

И тут, повидимому, сработал рефлекс, выработанный у советских граждан за многие годы. Парни отпустили Рувима и бросились наутёк. Пёс последовал за ними. Рувим с трудом поднялся на ноги, сплёвывая кровь, и увидел дядю Мишу, размахивающего руками и отчаянно дующего в свой свисток. Затем неподалёку от себя Рувим увидел окровавленный бездыханный рыжий комочек - всё, что осталось от маленького храброго щенка, отдавшего жизнь, защищая своего хозяина. Рувим поднял на руки останки своего друга и, шатаясь, пошёл навстречу дяде Мише. Они повернули домой. Дядя Миша что-то причитал, но Рувим ничего не слышал. Он брёл, с трудом сознавая, куда он идёт. Каждый шаг звоном отдавался в его голове. А дядя Миша шёл сзади, проклиная тот день и час, когда он уговорил Рувима идти с Рексом гулять на улицу. У дверей дома их уже встречала обеспокоенная тётя Соня. Увидев Рувима с Рексом на руках, она лишилась дара речи, и только всплеснула руками, и залилась слезами.

Рекса похоронили во дворе дяди Миши у самой ограды. Только после этого Рувим согласился передать себя в заботливые руки тёти Сони. Вся одежда его пришла в негодность. Она была изорвана и вымазана в крови. Тело было покрыто ссадинами и кровоподтёками, лицо распухло и светилось всеми цветами радуги. На лбу синела огромная шишка. Тётя Соня прижимала к шишке холодную ложку, а к отёкам-мокрые полотенца, которые дядя Миша непрерывно менял, виновато выслушивая сентенции о том, что ему не то, что ребёнка, щенка нельзя доверять. Рувим сидел в полузабытьи и умолял отпустить его домой, иначе дядя Веня будет очень волноваться. Он даже не заметил, как дядя Миша куда - то исчез, и только потом услышал сквозь сон, как он докладывал тёте Соне об успешном выполнении задания.

Ночью, находясь в тяжёлом забытьи, Рувим метался и кричал. Ему казалось, что Рекс зовёт его на помощь, а страшный пёс своими огромными клыками перегрызает ему спину. Рувим пытался выхватить щенка из страшной пасти, но ноги и руки его не слушались, были, как ватные, и он ничего не мог поделать. А оба его недруга хохотали над его бессилием и тыкали ему в лицо горящие папиросы.

-Ну, что ты, что ты, миленький? Успокойся! Всё уже позади, всё позади! - успокаивал его дядя Миша ласковым старческим голосом, стараясь удержать Рувима на

диване и продолжая прикладывать к его распухшему горящему лицу холодные мокрые полотенца.

Утром Рувим с трудом сполз с дивана. Взглянув на себя в зеркало, он ужаснулся. Всё лицо было покрыто ссадинами и отёками, почти полностью закрывавшими узкие щели глаз. Шишка на лбу несколько уменьшилась благодаря стараниям тёти Сони и дяди Миши, и отливала синеватым цветом. Губы были разбиты в нескольких местах, от уха к подбородку тянулась глубокая царапина.

-Любуешься? - услышал он голос дяди Миши, - Ничего, не горюй. Шрамы украшают мужчину.

Рувим принялся искать свою одежду, уверяя дядю Мишу, что ему нужно идти домой.

-Никуда тебе не нужно! Веня всё знает. Он велел тебе полежать пару дней. В таком виде ты далеко не уйдёшь. Одежду твою мы сожгли, она уже никуда не годилась. Веня прислал новую. Вот поправишься и пойдёшь.

Рувим и сам понимал, что он не может идти. Ноги его не держали, голова кружилась, всё время хотелось лечь. Он опустился на диван и безропотно предоставил себя в распоряжение заботливых стариков. А они суетились вокруг него, но Рувим этого почти не замечал. За последний месяц он видел много человеческого горя, искалеченных и убитых людей, но смерть его маленького друга, полугодовалого щенка, не побоявшегося вступить в бой с огромным могучим псом, чтобы защитить своего хозяина, который то и видел его за этот месяц только пару раз, ударила Рувима прямо в сердце. Он не мог есть, не мог спать и не находил себе места. Старики всячески старались его утешить, но это не помогало. Так прошло несколько дней. Наконец, Рувим оправился настолько, что смог выходить на улицу. Тогда, несмотря на настойчивые просьбы стариков, он поблагодарил их за заботу, оделся и отправился домой, надеясь, что смена обстановки поможет заглушить нестерпимую душевную боль. Там он застал Веню и Николая Ивановича, тщательно изучавших карту Могилёвской области.

-А, боец пришёл! Ты уже отошёл немного? - приветствовал Веня Рувима. Потом, внимательно присмотревшись, он изменил тон.

-Я знаю про твоё горе. Увы, это только начало. Для нас наступает время жестоких потрясений. Нам придётся познать столько человеческого горя, что никакого сердца не хватит. Постарайся быть сильным. Нам всем надо быть очень сильными, иначе мы просто не выживем.

-А где Гриша?

-Николай Иванович попросил его посмотреть Лидию Ивановну. Она что -то совсем захандрила. Он должен скоро прийти. На, вот, почитай листовку, которую принёс Коля. А мы пока с ним немного поговорим. Так вот, Коля, надо не терять время, иначе оружие соберут немцы или растаскают местные жители. А когда выпадет снег, вообще до него не доберёшься. Начинать надо здесь, здесь и здесь.

И он очертил на карте районы наиболее ожесточённых боёв.

-Кстати, нам тоже надо побыстрее уходить из города.

-Веня, потерпи ещё немного. Нужны надёжные документы. Без них не только за город не выйдешь, но и по городу далеко не уйдёшь. Лиза уже приступила к работе и сможет, наконец, нам помочь.

-Боюсь, что скоро и с документами никуда не уйдёшь.

-Знаешь, Веня, нам всем надо подумать о работе. Денег надолго не хватит, да и к тому же будет основание для передвижения по городу. Лиза обещала поспособствовать.

-Я не против. Как говорится, делай, что должен, и будь, что будет.

Рувим тем временем читал листовку. Это было распоряжение, которое предписывало евреям нашить на спине и на груди жёлтые опознавательные знаки. Евреям запрещалось ходить по тротуарам, здороваться и общаться с неевреями. За несоблюдение этих предписаний - смерть, за пособничество и укрывательство евреев - смерть. Всех жителей города и окрестностей призывали сотрудничать с новой властью и помогать ей выявлять нарушителей.

-Всё, как у нас в Лодзи в тридцать девятом году, - заключил Рувим.

-Да, похоже, всё повторяется, - поддержал Рувима Николай Иванович, - Евреям, вообще, не позавидуешь. За многовековую историю им досталось, как никакому другому народу. Не за горами день Девятого ава. Что он принесёт на этот раз, один только Бог знает.

-В этот день у нас было принято постить и молиться, - вспомнил Рувим.

-Девятого ава? Да, припоминаю. Это что-то вроде Дня Скорби. Но толком больше ничего не помню, - добавил Веня, - Расскажи, Коля.

Николая Ивановича не надо было долго просить. Он оставался историком и преподавателем при любых обстоятельствах. К тому же он соскучился по внимательной аудитории. Он отметил, что история знает много удивительных совпадений. Но нет другой такой даты, как Девятое ава, на которую приходится столько важных трагических событий из жизни еврейского народа. В этот день вавилоняне разрушили и сожгли Первый Иерусалимский Храм, а евреев угнали в Вавилонию. Почти пять столетий спустя римляне в этот день разрушили Второй Храм, построенный евреями, возвратившимися на Родину после разгрома Вавилона персами. Ещё через пятьдесят лет Бар - Кохба отбил у римлян Иерусалим и удерживал его 2,5 года, но был разбит и 9 ава римляне распахали Храмовую гору. Девятого ава, 18 июля 1290 года, евреи были изгнаны из Англии, а 2 августа 1492 года, то есть тоже Девятого ава, - из Испании, в 1366 году - из Франции. Девятого ава, 26 июля 1555 года, в Риме начало функционировать первое в истории еврейское гетто. И наконец, 9 ава, 1 августа 1914 года, началась Первая Мировая война, принесящая неисчислимые бедствия многим европейским народам, включая еврейский. Потрясённые слушатели молча пытались осмыслить полученную информацию. То, что эти факты излагались не набожным евреем, а профессиональным историком, придавали сказанному особую убедительность.

Что ещё произошло в этот ужасный день узнать им на этот раз больше не довелось. Появился Гришка. Он был очень озабочен.

-Ну, что, как Лида? - бросился к нему Николай Иванович.

Гришка сказал, что по его мнению у неё пневмония. Это подтвердил и знакомый врач из Могилёвской областной больницы, которого Гришка уговорил дать консультацию. Нужны лекарства, которые теперь можно достать только за большие деньги, и хорошее питание.

Веня достал из шкафа два новых костюма, свой и Лёвы, и передал их Николаю Ивановичу.

-Продай их, Коля. Этого должно хватить на лекарства, да и на питание тоже.

Николай Иванович молча обнял Веню, взял узелок с одеждой и вышел.

Через несколько дней Гришка, ежедневно посещавший Лидию Ивановну, сказал, что костюмы были удачно проданы, больная принимает лекарства, и ей стало легче.

ГЕТТО

То, что власти не намерены шутить и не бросают слова на ветер, стало ясно уже на следующий день. В разных концах города за нарушение распоряжения о знаках отличия прямо на улицах было застрелено несколько десятков человек. Среди жертв оказались не только евреи, но и некоторые люди, имевшие несчастье быть на них чем-то похожими. Поэтому к вечеру того же дня, когда было опубликовано распоряжение, у Рувима и его друзей на одежде красовались жёлтые шестиконечные звёзды. Осмотрев себя в зеркало, Гришка заявил, что со “Звёздами Давида” он может сойти за генералиссимуса, и жаль, что потомки не смогут это лицезреть. Это заявление напомнило Рувиму, что у него лежит заряженный фотоаппарат, который он впопыхах забыл взять с собой на дачу, а потом в этой страшной круговерти так о нём и не вспомнил. На улице было ещё достаточно светло, и Рувим запечатлел для потомков, а возможно и для историков, Веню и Гришку с их “Звёздами”. А потом уже Веня снимал Рувима и Гришку. Завершив эту историческую съёмку, Веня сказал Рувиму:

-Рувим, это судьба. Ты должен постараться, как можно больше, снимать. Надо фиксировать эти страшные события. Придёт время и мы предъявим счёт всем этим мерзавцам.

-Нет, дядя Веня, я не могу. Я не могу быть беспристрастным наблюдателем всего этого ужаса.

-Ладно, Рувим. Я тебя понимаю. Я верю, что ты со временем сможешь снимать. А сейчас собери аппарат и все принадлежности, и пусть Илья передаст их на хранение Лоре. Там более безопасно. Потом это будет, как найденное.

После гибели Рекса Рувим не бывал у дяди Миши. И теперь, опасаясь, что старики, не зная о распоряжении, могут попасть в беду, он решил их навестить. На следующий день, захватив листовку с распоряжением, Рувим отправился к дяде Мише. Подходя к дому дяди Миши, Рувим увидел парня деревенской наружности с большой котомкой в руках, сверяющего адрес, записанный у него на бумажке, с номерами домов на улице. Рувиму показалось, что этого парня он уже где-то видел. Похоже, то же самое почувствовал и парень. Он внимательно пригляделся к Рувиму и попросил его показать, где живёт дядя Миша. Тут Рувим вспомнил, что видел этого парня в общегититии, с восторгом внимающего шуточкам дяди Миши. Парень сказал, что он успешно торговал на рынке и решил навестить дядю Мишу, которого он по-прежнему уважает. Рувим поверил ему и привёл в дом дяди Миши, благо он был уже рядом. Тётя Соня встретила гостя настороженно, но когда тот, войдя в комнату, принялся обнимать старика, лёд был сломан. Парень, которого, как выяснилось, звали Коля, развязал свою котомку и достал гостинцы. Это был хороший кусок сала, вязка лука, буханка крестьянского хлеба, мешочек старой картошки. Увидев это богатство, тётя Соня заплакала, и дядя Миша, как-то странно хрюкнув, тоже смахнул слезу. Старики принялись горячо благодарить Колю. Но он напомнил дяде Мише, что когда из-за неуспеваемости он уже собирался бросить техникум, дядя Миша сумел убедить его не делать этого. Дядя Миша тогда договорился с одной из студенток, чтобы она взяла над Колей шефство. Коля благополучно окончил техникум, и сейчас у них с Зиной родился пацан Миша. Когда он собрался в город, Зина строго наказала ему разыскать дядю Мишу и передать ему гостинцы и сказать, что они будут всегда его помнить. Поговорив немного о своей семье и о том, как теперь сложилась их жизнь, Коля отказался от чая и распрощался с растроганными стариками,

сказав, что ему надо покинуть город до наступления комендантского часа. А Рувим, убедившись, что “еврейский телеграф” уже оповестил дядю Мишу о распоряжении властей, тоже отправился домой, оставив стариков обсуждать произошедшее событие. По дороге он вдруг явственно вспомнил те строки распоряжения, где за оказание помощи евреям неевреям грозила смерть, и подумал, что не перевелись ещё настоящие люди на свете.

А дома его ждали важные новости. Бледный расстроенный Илья метался по их маленькой комнате и, с трудом сдерживая слёзы, что-то рассказывал Вене и Гришке. С приходом Рувима он кратко повторил свой рассказ с начала. Он был у Лоры, которая сейчас живёт в с матерью в квартире Николая Ивановича возле школы. Илья уже собирался уходить, и они прощались с Лорой возле калитки, но у ворот школы они увидели мотоцикл с коляской и толпящихся возле него молодых людей. Трое из них были в немецкой военной форме, двое - в гражданской одежде. В одном из этих двоих Илья узнал своего одноклассника Роберта Лейманса. Он был одет в короткие серые бриджи и белую рубашку с закатанными рукавами. Роберт, повидимому, рассказывал что-то смешное, на что его собеседники реагировали дружным смехом. Илья решил не искушать судьбу, и не показываться на глаза Роберту и его друзьям, тем более, что он ещё не нашёл на одежду “Звёзды”. В это время из дома напротив вышла высокая девушка с характерной еврейской внешностью. Она несла в руках небольшой узелок. Илья сразу узнал её, хотя она сильно похудела за эти дни и постригла волосы. Это была Соня Канторович, выпускница их школы и партнёрша Рувима по аттракциону “Счастливая пара”. Увидев стоящих возле школы немцев, она сначала растерянно затопталась на месте, а потом резко повернулась и быстро пошла прочь от школы. К сожалению, Соню узнал не только Илья, но и Роберт. Он что-то сказал своим собеседникам. Двое немцев и Роберт вскочили на мотоцикл и, развернувшись, поехали за ней вдогонку. Догнав Соню, Роберт соскочил с мотоцикла и схватил её за рукав платья. Соня попыталась вырваться. Илья не слышал, о чём они говорили между собой, но Роберт неожиданно ударил её кулаком в лицо. Из рассеченных губ брызнула кровь. В ответ на это она плюнула на него. Окровавленная слюна попала на белую рубашку. Увидев кровавые пятна на вороте и груди рубашки, Роберт пришёл в ярость. Он сбил Соню на землю и принялся избивать её ногами. К нему на помощь поспешил один из немцев. Они вдвоём пинали Соню ногами, стараясь попасть в голову и живот. Соня корчилась на земле, подставляя под удары руки и ноги. Второй немец, активно помогавший приятелям советами, прервал своё увлекательное занятие и достал из коляски мотоцикла моток каната. Они втроем привязали Соню к коляске и ударами заставили её встать. Потом, усевшись на мотоцикл, они поехали в сторону оставшихся около школы приятелей. Сначала Соня успевала бежать за мотоциклом под весёлые крики мучителей. Но затем водитель резко увеличил скорость, и Соня, сделав несколько шагов заплетающимися ногами, споткнулась и упала на землю. Мотоцикл потащил её по булыжной мостовой, мотая из стороны в сторону. У ворот мотоцикл лихо развернулся, и тело Сони, описав дугу, ударились об опору ворот. Молодые люди отметили этот удамой манёвр восторженными криками. Затем, собравшись вокруг Сони, они ногами попинали её бездыханное тело, поворачивая в разные стороны. Посоветовавшись, они повесили его на воротах школы. Потом Роберт с приятелем прошли в здание школы, а немцы сели на мотоцикл и уехали. Улица опустела, и потрясённый Илья смог покинуть своё убежище.

Когда Илья окончил свой страшный рассказ, в комнате воцарилась тишина. У Рувима ком застрял в горле, и он боялся произнести, хоть слово, чтобы не разрыдаться.

-Ну, суки! Придёт время, они нам за всё заплатят! - высказался, наконец, Гришка. Веня промолчал. Затем он сказал Рувиму, что Елизавета Ивановна нашла им всем работу. Гришу пристроили в больницу в районе Пелагеевки, где преобладает еврейское население. Илья уже несколько дней работает помощником столяра в мастерской, куда его пристроил к своему отчиму Пашка Зайцев. Но наиболее заманчивое предложение сделано Вене. Коммерсант из Лейпцига, посетивший Могилёв по приглашению своего родственника, коменданта города, пришёл к выводу, что это - “золотое дно” для предприимчивого человека, и решил поселиться здесь основательно и надолго. В его распоряжение был предоставлен дом на Ленинской улице. Он приступил к его переоборудованию и искал хорошего печника, чтобы привести в порядок всю систему отопления и сложить камин в гостиной. Елизавета Ивановна, случайно узнав об этом, рекомендовала Веню, а тот заявил, что будет работать с помощником, то есть с Рувимом. Получить такую работу было редкой удачей, потому что евреев привлекли в основном для выполнения тяжёлой, грязной и малоквалифицированной работы. Но здесь были заинтересованы высокопоставленные лица, и было сделано исключение. Вене и Рувиму были выписаны пропуска для передвижения по городу, и на следующий день они отправились по указанному адресу. Коммерсант, высокий, полный, белобрысый немец, встретил их настороженно. Но, когда Веня заговорил с ним на хорошем немецком языке, он был приятно удивлён и стал подробно расспрашивать его о материалах, нужных для работы. Веня объяснил, сколько и какой требуется кирпич для камина и указал, где в районе Могилёва можно найти требуемую для работы глину. После этого немец преисполнился к Вене полного доверия. Он велел накормить его и Рувима и обещал раздобыть транспорт и выделить солдата для сопровождения. А пока он велел провести Веню по всему дому, чтобы он мог оценить характер и объём предстоящих работ. Там уже велись интенсивные ремонтные работы, которые проводила бригада еврейских рабочих под наблюдением немецкого солдата. Рабочие сказали Вене, что хозяин - мужик строгий, расслабляться не даёт, жёстко контролирует качество работ и за недоделки серьёзно наказывает, но в ущерб качеству в шею не гонит. К тому же здесь сносно кормят, и даже семьям кое - что перепадает. В этом Веня и Рувим могли скоро убедиться. Их накормили какой-то овощной похлёбкой и дали по куску чёрного хлеба.

Энергичный герр Веллер время даром не терял. Уже на следующий день их повезли на машине за глиной. Веня сидел в кабине и показывал водителю дорогу, а Рувим находился в кузове под присмотром солдата. Была хорошая погода, настроение не портил тёплый встречный ветер. Машина беспрепятственно двигалась в западном направлении. Возле деревни Песчанка свернули на лесную дорогу, покрутились по лесу и остановились на небольшой поляне возле крутого пригорка. Один из его склонов был завален ветвями. Отбросив ветви, Веня показал Рувиму большую яму с красной глиной. Явно, оттуда доставали глину много раз. Большую металлическую ёмкость, заготовленную для перевозки глины, оставили в машине, сбросив на землю вёдра и лопаты. Не торопясь, приступили к работе. Веня аккуратно наполнял вёдра, а Рувим таскал их по одному к машине и пересыпал глину в чан. Немцы разместились рядом в тени большой берёзы. Шофёр развалился на траве с былинкой в зубах, а сопровождающий солдат, отложив в сторону винтовку, потихоньку наигрывал на губной гармошке. Тишина, шелест листьев, тёплый ветерок действовали умиротворяюще. Солдаты расслабились и совсем перестали обращать на своих подопечных внимание, наслаждаясь природой.

-Эх, мы бы могли запросто положить их обоих. Руки так и чешутся врезать им за всё, - бурчал Веня, - Но нельзя. Погубим Лизу и всех друзей. А жаль. Такого второго случая может и не быть.

Веня работал, не торопясь, тщательно выбирая глину, удаляя из неё землю и другие примеси, и посторонние предметы. Он шепнул Рувиму, чтобы он тоже не торопился. Да, и солдаты не очень спешили покинуть комфортное место и возвращаться в душный город, и своих подопечных не подгоняли. Даже, когда уже все работы были завершены, вёдра и лопаты были погружены в машину, солдаты всё ещё какое-то время продолжали валяться на траве и наслаждаться чудесной природой. Веня с Рувимом тоже опустили на тёплую землю неподалёку от машины. Немцы не обращали на них внимания, и Рувим вдруг почувствовал, как у него болят спина, руки, не хотят разжиматься сведенные судорогой пальцы рук. Но тишина и гармония, царившие на лесной поляне, заставили его быстро забыть о болях и усталости. Он неожиданно осознал, что, хоть где-то совсем рядом идёт страшная война, гибнут тысячи людей, рушатся города, горят деревни, а лес продолжает жить своей особой привычной жизнью. Вон, пчела деловито снуёт на цветке клевера, по проторенной когда-то дорожке бегут муравьи, таща что-то навстречу друг-другу. Один из них забрался на ногу к Рувиму, привстал, осмотрелся и, не найдя ничего для себя интересного, побежал дальше. Какая-то незнакомая Рувиму птичка села на ствол сосны, энергично застучала клювом, потом почему-то передумала и перелетела на другое дерево. От горьковатого запаха хвои и древесной смолы, и лёгкого ритмичного поскрипывания сосен у Рувима закружилась голова и отчаянно захотелось спать. Однако, немцы решили, что уже пора ехать, и пришлось возвращаться к печальной действительности. Наконец, все заняли свои места в машине и тронулись назад. Солдат, карауливший Рувима, был доволен успешным выполнением своей миссии и примерным поведением своих подопечных, которые не доставили ему никаких хлопот. К тому же, они оба владели немецким языком, и он, будучи весьма словоохотливым человеком, мог скоротать время в дороге, рассказывая Рувиму о своей довоенной жизни и подруге, которая ждёт его в Силезии. Он заверил Рувима, что против евреев он ничего не имеет, и даже угостил его галетой, предварительно убедившись, что шофёр этого не видит. И в дальнейшем Курт, как он себя назвал, сохранил к ним доброжелательное отношение, естественно, когда хозяин этого не видел.

Когда они подъехали к дому, солдат доложил хозяину об успешном выполнении задания. Герр Веллер остался доволен и велел рабочим ремонтной бригады затащить чан с глиной в подсобное помещение. Так у Рувима и Вени начались трудовые будни.

Герр Веллер продолжал действовать быстро и чётко. Уже на следующий день были доставлены кирпичи и все оговоренные Веней принадлежности. Ему удалось даже раздобыть мраморную плиту для верхней части камина, чем он несказанно гордился. В свою очередь, Веня вызвал откровенный восторг, когда он представил профессионально выполненные эскизы нескольких вариантов оформления камина. Это одобрение получило и материальное выражение. Забрав эскизы для детального изучения, герр Веллер разразился пространной речью о том, что талантливый и усердный труд должен быть обязательно вознаграждён. Затем он распорядился, чтобы Вене выдали баночку мясных консервов и булку хлеба. Щедрость герра Веллера была оценена по достоинству вечером после работы, когда домой вернулся Гришка. Вскоре к ним присоединился и Николай Иванович, который передал информацию от Лизы, что создаётся еврейский район по

обеим сторонам реки Дубровенки. Сюда входит и их дом. Уже начинается регистрация евреев и учёт жилья, за чем последует переселение евреев со всего города в этот район. При этом будет осуществлено насильственное уплотнение, поэтому Лиза советует собрать в одном доме близких людей, пока к ним не подселили посторонних, и сделать это, как можно быстрее, до регистрации. Тогда можно будет перетащить без помех все нужные вещи. Кроме того, Николай Иванович считает нужным забрать у них сегодня приёмник.

-Ну, вот, дождались! Получите гетто. Они обнесут нас забором, и уже отсюда никуда не выберешься! - в сердцах произнёс Веня, - Ну, что, Коля, долго нам ещё здесь сидеть?

-Потерпите ещё чуть - чуть. Мы ещё не готовы. Если будем вас сейчас выводить, тут же всех схватят. Надо немного подождать.

-Боюсь, что потом будет всё ещё тяжелей.

На предложение переселиться Илья с тёткой тут же согласился и стали готовиться к переезду. Зато пришлось долго уговаривать дядю Мишу с тётей Соней. Они и слушать не хотели о том, чтобы покинуть своё жильё, а то, что к ним могут подселить множество чужих людей, и они всё равно перестанут быть хозяевами в своём доме, они просто не воспринимали. Поэтому Веня решил их пока больше не тормозить, считая, что время всё расставит на свои места. Тем более, что у них с Рувимом наступила пора напряжённой работы. Герр Веллер сделал свой выбор и теперь горел желанием увидеть его воплощение в жизнь. Веня месил глину и учил Рувима этой важной операции, ложил кладку, постоянно контролируя свою работу уровнем и отвесами. Рувим выполнял всю черновую работу, таскал кирпичи, глину, воду, помогал в измерениях. За ними наблюдал их знакомый солдат Курт. Он молча поглядывал издали, сопровождал Рувима в подсобку, но в работу не вмешивался.

Веня действовал споро и аккуратно. Работа продвигалась буквально на глазах. Завершив кладку, Веня решил сделать перерыв и занялся ревизией других объектов. И только приведя в порядок все печи в доме, проверив их в работе и убедившись в их полной готовности к отопительному сезону, он опять вернулся к работе над камином. Рувим и Курт с интересом наблюдали, как он священнодействует возле камина. Наконец, он велел Рувиму принести дрова и щепки для растопки, приготовленные в подсобке. Когда огонь запылал в камине и дым устремился в дымоход, Веня победоносно посмотрел на присутствующих и показал большой палец. Курт, не медля, побежал докладывать о завершении работы. Герр Веллер отреагировал крайне эмоционально. Он цокал языком, хлопал Веню по плечу и заверил его, что без работы он теперь не останется. Такие люди нужны рейху.

За выполненную работу Веня с Рувимом получили банку тушёнки, пакет овсянки и две булки хлеба.

А тем временем в городе полным ходом шла регистрация евреев. Добрались и до их дома. Илья в этот день привёл свою тётку познакомиться с домом, где ей предстояло в дальнейшем жить. Рувим в это время шил под руководством Гришки медицинскую сумку, в которой можно было бы хранить и переносить лекарства и медицинские инструменты. А Веня старательно корпел над каким-то планом, фальшиво насвистывая марш из оперы "Аида". В дверь постучали. Веня впустил в комнату двух человек. Один из них, немолодой интеллигентный человек, сказал, что его зовут Натан и что он по поручению еврейского комитета города будет производить регистрацию евреев, живущих в их доме. Его сопровождал парень с белой повязкой на рукаве. Рувим и Илья с трудом

узнали в нём своего бывшего одноклассника Адольфа Сореса. За прошедший год он повзрослел и возмужал. У него появилась небольшая бородка, закрывавшая его всегда покрытый прыщами подбородок и шею. Он был преисполнен чувства значимости выполняемой им миссии и смотрел на своих бывших одноклассников свысока.

-А, привет, Цорес! - приветствовал его Илья.

-Я тебе не Цорес! - отрезал тот

-Привет, Адик! - исправился за Ильёу Рувим.

-Не зовите меня Адольфом. Немцев это раздражает. Зовите меня Эдиком.

-Ну что ж, Эдик, так Эдик. Привет, Эдик. Ты что, в полиции служишь? - спросил Илья.

-А ты что, не видишь? - важно ответил Цорес и указал на могоидовид на повязке, - В еврейской полиции. Я теперь, брат, начальник. Буду таких, как ты, водить на работу. Запомни это на всякий случай.

Илья и Рувим молча переглянулись, не найдя, что ответить.

Натан заканчивал регистрацию. Веня и Гришка старались его уговорить, чтобы он учёл возможность переезда дяди Миши и тётки Сони, в чём они несколько не сомневались. Тот обещал переговорить непосредственно со стариками.

Когда регистраторы ушли, Веня сказал, что теперь переселение, повидимому, не за горами. А дальше могут последовать ещё более печальные события, и надо позаботиться о своей безопасности. И он разложил на столе листочек с какой-то схемой. Показывая на схеме, он рассказал, что отец Тони и Алексея, строя свой дом, сделал высокий фундамент, при котором пол оказался приподнят над землёй более, чем на полметра. Пространство под полом может быть использовано как естественное убежище. Надо сделать проход, соединяющий это пространство с расположенным рядом с домом сараем. Там имеется большой погреб. Если сделать из этого погреба лаз во двор за сарай, то можно получить удобное убежище, где можно будет отсидеться в случае опасности. В том, что погромы и грабежи следует ждать уже в ближайшее время, никто не сомневался, и предложение Вени было дружно поддержано. Начали работу в тот же день со стороны сарая. Работали парами, меняя друг друга. Землю выносили и рассыпали на огороде. Сначала работа шла споро и быстро продвигалась. Однако, вскоре обстоятельства изменились и темп работ снизился. Герр Веллер завершил, наконец, перестройку своей резиденции и устроил по этому поводу званый ужин, на который был приглашён весь немецкий "Бомонд" города. На всех присутствующих огромное впечатление произвёл камин, красовавшийся на месте прежней невзрачной "группки", и довольный Веллер обещал желающим порекомендовать мастера. Так что Вене ждать следующих заказов пришлось не долго. Поскольку Веллеру Веню рекомендовала чиновница из городской управы Елизавета Ивановна, он адресовал желающих заполучить мастера именно к ней. Она уже непосредственно направляла Веню и Рувима к заказчикам и регулировала очередность выполнения заказов. Она же оформляла им пропуска для передвижения по городу. Какое-то время они ходили по городу без сопровождения. Но вскоре это стало опасно. В центральных районах города, где им приходилось работать, их постоянно задерживали, подвергали грубым проверкам, и была вероятность того, что их могут попросту подстрелить, не дожидаясь предъявления документов. Поэтому по Вениной просьбе им стали выделять для сопровождения полицая. Потянулись дни, заполненные однообразной тяжёлой работой. Днём Веня с Рувимом ремонтировали или ложили печи, а вечерами копали землю. И на эту работу сил уже не хватало.

Тем временем завершались работы по формированию еврейского района, а попросту - гетто. Выселялось нееврейское население и началось насильственное переселение евреев из других районов города. Но ещё раньше состоялось долгожданное добровольное переселение дяди Миши и тётки Сони, которое давно предсказывалось Веней. К этому историческому шагу стариков подтолкнули печальные драматические события.

В последние дни в районе Дубровенки участились случаи нападений на еврейские дома. Группы парней с повязками полицаев врываются в дома, где находились преимущественно старики или женщины и дети. Они выволакивали жильцов из домов и переворачивали квартиру вверх дном, стараясь отыскать драгоценности, деньги, золото, антиквариат. Забирали всё ценное, не гнушаясь новой одеждой и продуктами питания. Не миновала чаша сия и дядю Мишу.

В этот день всех работоспособных соседей выгнали на уборку улиц. Дядя Миша, крайне довольный, что ему удалось увильнуть, чинил табуретку, а тётка Соня зашивала ему рубашку. Она была ещё под впечатлением недавнего визита Вени и Рувима, посетивших их накануне. Они долго уговаривали стариков перебраться к ним на жительство, почти убедили тётку Соню, но дядя Миша остался непреклонен.

-Ты знаешь, Миша, - сказала тётка Соня, вспоминая этот разговор, - Я всё думаю, может быть Веня прав, и нам всё же надо было перебраться к ним, пока не поздно. И безопасней, и жить вместе легче.

-Перестань, Сонечка! Как это можно бросить наш дом и идти к чужим людям? А вещи все куда мы денем? И не люблю я жить в общей куче. Веня всегда преувеличивает. Кому нужны такие старики, как мы? И ты видела, чтобы к кому -нибудь подсаляли посторонних?

Вдруг раздался сильный стук в дверь. Старики переглянулись.

-Наверное, всё же выгонят на работу, - сказал дядя Миша и пошёл открывать дверь.

Но стоило ему только чуть приоткрыть дверь, как её снаружи рванули на себя, и оттеснив дядю Мишу в сторону, в квартиру ворвалось несколько здоровых парней. Затем дядю Мишу вытащили на улицу парень с чёлкой.

-Иди посиди здесь, старый! - буркнул он и толкнул старика на скамейку, - Пикнешь, убью.

Из дома донёсся крик тётки Сони. Дядя Миша вскочил с места, но парень грубо швырнул его назад на скамейку.

-Сиди и не рыпайся, я тебе сказал! - рявкнул он.

Что происходило в доме дальше, дядя Миша разобрать не мог. Была слышна какая-то возня, что-то падало и трещало, передвигалась мебель. Затем дверь распахнулась, и на пороге возник кудрявый детина.

-Давай сюда деда! - крикнул он товарищу.

Тот схватил дядю Мишу за шиворот и втолкнул в квартиру. Там всё было перевернуто. Окровавленная тётка Соня в полуобморочном состоянии с трудом сидела на стуле. Ни серёжек, ни обручального кольца на ней уже не было.

-Говори, дед, где ценности? А то порвём вас обоих на куски!

-Какие у нас ценности, ребята? Мы два больших старика. Уже давно на пенсии. Вот только это кольцо у меня и есть. Больше ничего.

И дядя Миша начал торопливо стягивать кольцо с пальца. А оно, как на грех, застряло и не двигалось. Кудрявый парень, грязно выругавшись, ударил старика палкой по голове. Тот осел на пол. Кудрявый стал нетерпеливо срывать с его руки кольцо.

-Ладно, хлопцы, кончайте. У них и вправду ни хрена нет, - вмешался один из бандитов, закончивший обыскивать квартиру.

Бандиты оставили избитых стариков, подхватили связанные в тюки вещи и выбежали из дома.

Дядя Миша пришёл в себя первым. Тётя Соня лежала возле опрокинутого стула и тихо стонала.

-Сонечка, Сонечка! - позвал несчастный старик и горько заплакал.

Тётя Соня зашевелилась и открыла глаза. Некоторое время она лежала, ничего не понимая. Наконец она узнала мужа и попыталась приподняться, но это у неё не получилось.

-Полежи немного, дорогая. Я позову соседку.

-Не ходи. Побудь около меня. Не оставляй меня одну.

Дядя Миша принёс жене воды. Она сделала несколько глотков и опять попробовала встать, опираясь о стул. Дядя Миша ей помогал. Кое - как она сумела приподняться и сесть. После небольшого отдыха старики начали перемещаться в сторону кровати. Дядя Миша поставил на этом пути стулья, и тётя Соня с его помощью потихоньку передвигалась от стула к стулу, делая остановки и отдыхая. Так им удалось постепенно добраться до цели.

Уложив жену, дядя Миша смог теперь осмотреться. Его глазам предстало ужасное зрелище. Пол был засыпан землёй, осколками стекла и битой посуды, и черепками от цветочных горшков. Повсюду вперемешку валялись вещи, поломанные цветы герани, сорванные со стен портреты, опрокинутые стулья. На кухонном столе и на полу были рассыпаны крупа, соль мука. Банки из-под них валялись под столом. Всё, что с таким усердием собиралось и сохранялось, было либо уничтожено, либо испорчено. Наиболее ценные вещи, составлявшие гордость стариков, были похищены.

-Миша, Миша! Подойди ко мне, - позвала тётя Соня.

Дядя Миша наклонился над ней.

-Миша, а я им ничего не сказала!

-Да, ты настоящая героиня! Но какой тайник я придумал!

И дядя Миша гордо посмотрел на карниз над окном, сделанный из никелированной трубы.

-Слушай, к еврею приходят из ЧК....

-Ради Бога, Миша! Перестань. Сейчас не до твоих глупых шуточек.

Впрочем, ему и самому было совсем не до шуток. Тело ныло, голова раскалывалась на части. Но надо было спасти продукты. Добывать питание в оккупированном городе стало очень сложным делом, и надо было сохранить хоть часть продуктов. Дядя Миша стал аккуратно сортировать продукты, сгребая в банки по отдельности крупы, муку, стараясь отделить их от соли. Потом, кряхтя и стоная, ползком, он стал собирать крупу с пола, рассчитывая промыть её перед употреблением. После завершения этой трудоёмкой и кропотливой работы он занялся разборкой вещей и оценкой понесённого ущерба. Все маломальски ценные вещи, дорогие сердцу безделушки, столовые принадлежности, серебряные подстаканники, часы, посуда - всё было либо похищено, либо безнадежно испорчено. Даже знаменитый клетчатый костюм дяди Миши кому-то приглянулся. И только гордость тёти Сони, швейную машину Зингера, грабители не тронули.

Повидимому, посчитали, что это слишком тяжёлая и неудобная ноша. Наводя порядок в квартире, дядя Миша выбился из сил и тоже слёг.

Приходили в себя старики очень медленно, но время брало своё. Постепенно они даже стали выходить на улицу. Однажды вечером к ним забежал Рувим узнать, как они живут. Дядя Миша обстоятельно, с красочными подробностями рассказал ему о происшествии. Тётя Соня его дополняла. Рассказывая, старики заново переживали это событие. Перед глазами дяди Миши вдруг всплыло лицо мордатого кудрявого парня, ударившего его по голове.

-Я этих ребят уже где - то видел, - сказал он, - А, вспомнил. Слушай, Рувим, это те гады, с которыми ты дрался.

-Успокойтесь, дядя Миша, Бог даст, придёт время, и мы с ними разберёмся. Вы лучше подумайте, что со дня на день начнётся переселение евреев в наш район, и тогда ваше положение станет ещё более сложным. Я попрежнему советую вам перебраться к нам и жить вместе.

Дядя Миша в душе уже сожалел, что не сделал этого раньше, и дал себя уговорить.

Переселение состоялось быстро. Веня, Гришка, Рувим и Илья за один вечер перенесли оставшиеся нехитрые пожитки стариков, а затем налегке перевели и их самих. Старики несли только небольшой свёрток, в котором были спрятаны главные семейные ценности, извлечённые дядей Мишей из карниза, снятого со стены длинным Гришкой. О содержании карниза Гришка, естественно, не подозревал.

Это переселение послужило как бы прологом к дальнейшим значимым событиям.

Перебравшись на новое место, дядя Миша приступил к освоению нового жизненного пространства. В первую очередь он подобрал место для своего знаменитого карниза, доказавшего свою эффективность в качестве хранилища дяди Мишиных ценностей, и не успокоился, пока Гришка не закрепил его над кухонным окном. Затем он проследил, куда было помещено остальное его имущество, и только после этого установил контакты с единственным незнакомым ему обитателем нового дома, тёткой Ильи, Фридой. Во - первых, она так же, как дядя Миша и тётя Соня, находилась постоянно дома в то время, как остальные обитатели целыми днями были на работе. Во - вторых, она имела добродушный общительный характер и опыт многолетнего проживания в перенаселённой коммунальной квартире. И самое главное, она умела слушать собеседника, смеяться старым анекдотам, знала бесчисленное количество рецептов экономных и вкусных еврейских блюд, позволявших из ничего приготовить вполне сносную еду, умела шить и вязать, и очень обрадовалась появлению в доме швейной машины. Старики быстро подружились, и в доме воцарилась комфортная атмосфера взаимопонимания. Приходившие с работы уставшие мужчины заставляли в доме мир и покой, и могли отдохнуть и восстановиться для следующего дня. Приносимые в дом скудные продукты благодаря мастерству тёти Фриды и тёти Сони обеспечивали выживание всего маленького коллектива. И, наконец, в такой спокойной обстановке, удалось довести до завершения эпохальное строительство домашнего убежища. Учитывая, что поиск затаившихся жителей дома обычно начинают с чердаков и подвалов, люк в подполье сделали в стороне от входа в погреб и над люком установили тяжёлый кухонный шкаф со снятым днищем. Он удачно маскировал люк, в то же время не создавал препятствий для проникновения в убежище. Стариков уговорили слезть в подполье, чтобы убедиться в их способности к эвакуации. Из подполья широкий лаз вёл в сарай. Лаз был удачно замаскирован старым хламом. Из сарая другой лаз позволял выбраться в огород. Кроме того, в сарае имелся второй погреб, где тоже

можно было при случае отсидеться. Весь этот комплекс позволял быстро выбраться из квартиры, пересидеть опасность или перебраться в более безопасное место. Кроме того, можно было спрятать и сберечь наиболее ценные вещи. В том, что следует ожидать нападений и грабежей, уже никто не сомневался.

А время шло. Запасы продуктов подходили к концу, их поступление в дом всё сокращалось. Старики очень болезненно переносили своё положение нахлебников и постоянно делали попытки приобрести хоть какие-нибудь продукты. Были заготовлены на продажу сохранившиеся вещи. Однако, направляться с ними на рынок было опасно из-за постоянных облав. Кроме того, стариков могли просто ограбить многочисленные подонки, расплодившиеся в оккупированном городе. Была договорённость, что им в этой проблеме помогут Николай Иванович с Лорой. Но тут произошёл неожиданный случай. Дядя Миша наткнулся на улице на мужичка, проходившего мимо их дома. Изнывающий от отсутствия свежего общения, дядя Миша завёл с ним разговор и узнал, что этот житель деревни Новосёлки могилёвского района, хочет приобрести кое-какие вещи. В обмен он предлагает муку. Но он боится полиции, которая преследует за общение с евреями. Ликуя в глубине души, дядя Миша, оглядевшись по сторонам, завёл мужичка во двор, где спрятал от посторонних взглядов, а сам побежал в дом за вещами. Ничего не говоря возившимся на кухне женщинам, он захватил заготовленные вещи и вернулся во двор. Торг проходил в дальнем углу двора за сараем. Мужичок дотошно разглядывал вещи, ощупывал их и даже обнюхивал. Отобрал два женских пуховых платка, принадлежавших Соне и Фриде, туфли Тони и брюки Лёвы. Взамен он предложил два неплохих мешочка с мукой. Теперь настала очередь дяди Миши знакомиться с товаром. Он развязал первый предложенный мужичком мешок, пошевелил муку, сделал из неё комочек, попробовал на вкус. Мука ему понравилась. Вдруг мужичок засуетился, забеспокоился, стал прислушиваться к чему-то, происходящему на улице. Потом он заявил, что на улице происходит что-то неладное, и он боится нарваться на неприятности. И подхватив приобретённые вещи, он отправился восвояси. Дядя Миша, недоуменно пожав плечами, тоже отправился домой со своими покупками. Войдя в дом с таинственным видом, он молча положил мешочки на стол. Женщины с удивлением уставились на него. Как опытный актёр, дядя Миша выдержал паузу, после чего важно развязал мешочки. Как и следовало ожидать, увидев муку, женщины восторженно заахали, но тут же подвергли мешочки тщательной ревизии. Мешочек, проверенный дядей Мишей, после скрупулёзного досмотра был одобрен обеими женщинами. Содержание его было тут же пересыпано в банки. Затем настала очередь второго мешочка. Раскрыв мешочек, тётя Соня повела носом и сразу же определила, что здесь что-то неладно. Сдвинув верхний слой муки, она обнаружила, что мешочек заполнен залежалой заплесневевшей старой мукой, издававшей неприятный запах, да ещё и перемешанной с мусором.

Огорчению женщин и отчаянию дяди Миши не было границ. Тётя Соня тут же обрушилась на него с гневной отповедью. Как он мог действовать тайком, не привлекая опытных людей к столь серьёзному и ответственному делу? Он лишний раз доказал, что он человек непрактичный и бестолковый. И всю жизнь был таким. Ему бы только байки рассказывать да в шашки с мальчишками играть.

-Ты даже развязать мешок не удосужился. Стоило тебе его раскрыть, как ты бы по запаху определил, что там мука цвилья. Или ты скажешь, что у тебя нос заложило? Что нам теперь с этим мусором делать? - кричала тётя Соня.

Дядя Миша был окончательно раздавлен и уничтожен. Даже Фрида не смогла выдержать его полного унижения и встала на его защиту. Она сказала, что и более опытного человека можно обмануть в такой ситуации. Да и обмен не такой уж катастрофически плохой. Хорошей муки довольно много, и из второго мешка можно выбрать какое-то количество съедобной муки. А если просеять и подсушить, то и остальное пригодится. Можно будет печь лепёшки. Так что пару месяцев можно будет продержаться, а там, смотришь, ещё что -нибудь подвернётся. Фриду поддержали вернувшиеся с работы мужчины. Веня заявил, что в заключении он и не такое ел. Трагедии нет. И даже пообещал показать, как в Средней Азии пекут лепёшки.

Получив такую поддержку, дядя Миша приободрился. К нему вернулся дар речи, и победоносно поглядывая на тётю Соню, он опять принялся рассказывать анекдоты из еврейской жизни.

После перенесенного фиаско дядя Миша был отлучён неумолимой тётей Соней от всех домашних дел, и чтобы как-то заполнить свой день, он занялся детальным обследованием места своего нового обитания. Изучив все подсобные помещения в доме, он перенёс центр своей деятельности в сарай. Там в углу он высмотрел не то шкафчик, не то чуланчик, который вызвал у него огромное любопытство. Однако, проникнуть в него он не сумел, так как угол сарая был завален дровами, обрушившимися в процессе творческих работ при создании убежища. Но так как он ещё не пришёл в себя после полученных травм, заняться разборкой завалов он не мог, а привлекать других к этой работе не хотел, то решил эту работу временно отложить и занялся изучением двора. Участок перед домом представлял собой традиционный узкий полисадник с кустами черёмухи и сирени под окнами. За домом был небольшой огород, где по углам росли два дерева “белый налив” и “штрифель”. Вдоль забора располагалось несколько кустов смородины. Огородик состоял из двух небольших грядок, где Тоня обычно выращивала лучок, редиску и другую необходимую в хозяйстве зелень. В этом году оставленный без присмотра участок пришёл в полное запустение. И полисадник, и огород полностью заросли травой и сорняками. Проживая в этом доме, Лора с матерью сняли редиску, лук и ягоды. Зато на деревьях оставалось много яблок, и дядя Миша усердно начинал свой день со сбора “падолка”. Все в доме с удовольствием ели яблоки, что было прекрасным дополнением к их скудному рациону. Затем дядя Миша обратил свой взор на подножный корм. После соответствующих консультаций с женщинами, он стал планомерно осваивать травяные джунгли. Сначала их рацион пополнился щами из крапивы, затем к ним прибавились салаты из мокрицы и лебеды. Неожиданно для себя все открыли, что это не только экзотические, но и довольно вкусные и весьма полезные блюда. В довершение ко всему, дядя Миша обнаружил на грядках несколько кустиков мяты, листья которой придавали чаю великолепный аромат. Теперь день стариков был заполнен работами по заготовке даров природы. Дядя Миша собирал падалки, и все дружно резали их и раскладывали сушить на солнце, когда погода это позволяла. Затем женщины заготавливали дневную порцию той или иной травы и колдовали над этим на кухне, чтобы умудриться приготовить съедобное блюдо при полном отсутствии жиров, соли и сахара. И всякий раз, выслушивая жалобы женщин по этому поводу, дядя Миша вспоминал про таинственный угол в сарае, и страсть кладоискательства охватывала его с новой силой. И вот, наконец, этот долгожданный час настал. Мужчины ушли на работу, женщины занялись подготовкой очередного салата, а дядя Миша отправился в сарай. Несколько часов понадобилось ослабевшему старику, чтобы расчистить проход к заветной двери. За

ней оказалась кладовка с грубо сколоченными деревянными полками. Там размещалось хозяйство Лёвы: различные инструменты, пачка свечей, коробки с гвоздями, шурупами, гайками и винтами, паяльные принадлежности, бутылки с какими-то жидкостями и большая бутылка с самодельным вином. Опытным взглядом дядя Миша сразу определил, что это сливовая наливка. Дегустация, в которой он не смог себе отказать, подтвердила это предположение. Первым желанием дяди Миши было притащить бутылку в дом и произвести фурор. Но повторив дегустацию и поразмыслив, он решил с этим повременить и подождать более благоприятного момента.

Пересмотрев остальные бутылки, дядя Миша определил, что в своём большинстве они заполнены различными техническими маслами. Но одна из бутылок привлекла его особое внимание знакомым запахом. Сомнений не было. Это спирт. Но не ясно, какой. Не исключено, что технический. Насколько он безопасен, сразу не определишь. Нужно посоветоваться с такими знатоками, как Веня и Гришка. Повидимому, и остальные бутылки смогут найти применение, хотя бы как объекты обмена. Довольный находкой, дядя Миша решил всё же о своём открытии промолчать. На всякий случай он заложил дверь в кладовку всяким хламом. При этом он обнаружил под крышей сарая съёмник - длинную бамбуковую палку, на конце которой было закреплено проволочное приспособление для снятия яблок с дерева. Дядя Миша тут же опробовал съёмник в деле. Он достаточно легко снял яблоко с нижних ветвей дерева. Теперь нужно было раздобыть ёмкость для хранения снятых яблок. Дядя Миша вспомнил, что где-то уже видел подходящие ящики. Вечером он проконсультировался по этому поводу с Рувимом. Тот тут же залез на чердак и достал несколько ящиков, которые всегда и использовались для этой цели. У дяди Миши теперь появилось новое увлекательное занятие. Сначала он обобрал все нижние ветви яблонь, до которых он мог дотянуться съёмником. Затем ему пришлось воспользоваться стулом. Но ножки стула под его тяжестью проваливались в мягкую землю. Он стал укладывать на землю доски, ставил на них стул, с помощью тётки Сони, крихтя, забирался на него, и снимая с дерева яблоки, передавал их тётке Фриде. А та уже укладывала яблоки в ящики. Иными словами, в этом увлекательном действе были заняты все свободные обитатели их дома. Случалось, что яблоко вываливалось из не очень совершенного приспособления и шлёпалось на землю, после чего переходило в разряд падалок. Это неизменно сопровождалось причитаниями дяди Миши и ехидными репликами тётки Сони. Тем не менее, старики были при деле и чувствовали себя нужными и полезными.

Тем временем события развивались по нарастающей. Мастерская, где работал Илья, подлежала переводу из еврейского района в другой район города. Илья вместе с Пашкой и двумя другими работниками - евреями грузили имущество на телегу. Один из рабочих обратил их внимание на группу из пяти парней, которые двигались по противоположной стороне улицы. Они вели себя как-то странно, постоянно оглядывались. Остановившись у одного из домов, постояли у двери, прислушались, потом двое из них одновременно вломились в дверь и все скрылись в доме. Оттуда донеслись крики.

-Это бандиты, - решил Илья и схватил подготовленную к упаковке заготовку ножки стула. Пашка также вооружился ножкой стула и присоединился к Илье.

-Не лезьте, ребята! Это не наше дело, - пытались урезонить их более пожилые рабочие.

Из дома донёсся отчаянный девичий крик. Илья с парнем рванулись вперёд. Их более осторожные товарищи не выдержали и последовали за ними. Ворвавшись в дом,

Илья увидел извивающуюся на кровати девочку лет 14-15. На неё навалились двое парней. Один из них поменьше с чёлкой пытался удержать её за ноги, второй здоровый и мордатый кудрявый парень рвал на ней одежду. Женщина, повидимому, мать девочки пыталась прийти ей на помощь, но её удерживали двое других парней. Пятый бандит обшаривал шкаф. Несколько маленьких детей забились в угол комнаты и в ужасе кричали.

Илья подскочил к кровати и с хода ударил ножкой стула по голове кудрявого парня. Тот отпустил свою жертву и сполз на пол. Парень с чёлкой вскочил на ноги и выхватил нож. Илья ударил его ножкой стула по руке, а потом по голове. Тот уклонился от удара, и они, сцепившись, покатались на пол. В это время подоспели товарищи Ильи. Началась страшная коллективная драка. Как во сне, Илья слышал доносившиеся со всех сторон крики, хрипы, стоны, матерщину, звуки ударов и треск падающей мебели. Противник вцепился Илье в горло и пытался его душить. Илья упёрся руками в подбородок, надавливая пальцами на его глаза. Не выдержав страшной боли, тот вынужден был разжать руки. Несколько раз ударив противника кулаком по лицу, Илья смог встать и, подхватив свою ножку стула, пришёл на помощь своим товарищам.

С самого начала появление Ильи с товарищами было неожиданным для бандитов, что компенсировало неравенство сил, а мощный напор и лютая ненависть даже создавали некоторое преимущество. И всё же, было трудно предсказать, чем бы кончилась эта битва. Но тут девочка, освободившаяся от насильников и пребывавшая какое-то время в трансе, неожиданно выбежала из дома и с громким криком побежала по улице в сторону реки Дубровенки. Бандиты выскочили за ней. Разгорячённые боем Илья и Пашка последовали за ними. На улице бандиты разбежались в разные стороны, и только кудрявый побежал вслед за девочкой. Илья с Пашкой видели на бегу, как она выбежала на берег реки, столкнула в воду стоящую на берегу лодку и попыталась отплыть на ней от берега. Однако, кудрявый мордорот успел в последний момент вскочить в отплывающую лодку, которая, набирая скорость, уже плыла по течению. Он схватил девочку и повалил её на дно лодки. Она извивалась под ним, кричала и царапала ему лицо.

В какой-то момент ей удалось вывернуться. Она вскочила на ноги и побежала на нос лодки. Однако, он настиг её опять. И в тот момент, когда он её схватил, лодка накренилась и они оба рухнули за борт. Всё это происходило уже далеко от берега, и когда Илья с Пашкой подбежали к воде, девочки не было видно, а мордатый бандит, не торопясь, плыл к противоположному берегу.

Вечером Гришка произвёл ревизию повреждений на ильюшином теле. Синяков и ссадин было великое множество, но серьёзных повреждений, к счастью, не оказалось.

-Ты ещё дешёво отделался, - заключил Гришка, - Жить будешь... пока, пока твои друзья - бандиты тебя не отыщут.

С этим Илья был совершенно согласен.

По мере снижения температуры воздуха на улице предусмотрительные и педантичные немцы всё больше задумывались о проблемах обогрева их жилья, и поэтому работы у Вени и Рувима прибавилось и возросла её интенсивность. Новые работодатели всё больше воспринимали мастерство и добросовестность исполнителей как само собой разумеющееся дело и всё в большей степени проявляли своё негативное отношение к ним, как к евреям. Некоторые из них резко выражали своё нетерпение и грозили всевозможными карами. Рувим порой поражался, как хладнокровно и с достоинством реагировал Вени на их раздражённые крики и угрозы. Его спокойная уверенная реакция и

прекрасный немецкий язык делали своё дело, и в конце концов ему удавалось убедить нетерпеливых хозяев, что некоторая задержка нужна для пользы дела. И продолжая работать, он постоянно обучал Рувима секретам своего мастерства, и тот быстро превратился в его полноценного помощника. На каких-то несложных рутинных работах Рувим мог уже работать вполне самостоятельно.

Если в первое время у Рувима хватало сил после работы ещё заниматься оборудованием убежища, а после завершения этого сопровождать Илью на поздние свидания с Лорой, то теперь они с Веней так уставали, что что у них хватало сил только на то, чтобы обменяться вечером информацией с остальными домочадцами и погрузиться в тяжёлый неосвежающий сон. В таких условиях, когда они с Веней уходили рано утром и возвращались поздно вечером, Рувим мог бы не заметить, как произошло формирование гетто и заселение его евреями, если бы не рассказы остальных домочадцев, которые были прямыми или косвенными свидетелями событий. Об одном из драматических эпизодов переселения рассказал Гришка, узнавший эту историю от своих пациентов, бывших непосредственными участниками события. Они в числе нескольких других еврейских семей переселялись из левобережных районов города. Сопровождавшие их полицаи заставили их переезжать Днепр на лодках. На одной из этих лодок оказался Ёська Розенцвейг, крепкий семнадцатилетний парень, известный в городе спортсмен. Он сидел рядом с беременной сестрой на дне лодки. Сзади на кормовой банке разместился полицай, вооруженный винтовкой. Этот неуклюжий деревенский парень с ленивыми глазами всё время недовольно ворчал и клялся затвором винтовки. На средней банке находились двое гребцов, а за ними на дне лодки сидела свекровь сестры и трое маленьких детей. Нехитрое имущество было сложено на носу лодки. При погрузке в лодку один из гребцов как бы в шутку сказал, что они могут вещи оставить на берегу. Мол, там, куда они едут, оно им не понадобится. Его напарник прикрикнул на него и сказал, что это шутка. Однако, Ёське было не до шуток. Поведение полицая вызвало у него подозрение ещё на берегу. Поэтому он внимательно следил за тем, что происходит на его и соседних лодках, а также старался не упускать из виду то, что происходит у него за спиной. Утреннее солнце располагалось у них за кормой, и тень от сидящего сзади полицая была хорошо видна Ёське, что позволяло ему следить за действием этого человека. А он пока сидел спокойно, держа винтовку между колен. Лодки медленно пересекали Днепр. Когда плывущие лодки достигли середины реки, полицай повскакивал со своих мест и принялся избивать сидящих в них переселенцев вёслами и прикладами винтовок, и сбрасывать их в реку. Однако, Ёська был готов к такому развитию событий. Он увернулся от удара и, мгновенно развернувшись, бросился на полицая. Тот, не ожидавший нападения, выронил винтовку и упал за борт, увлекая за собой Ёську. Прекрасный пловец, неоднократный участник соревнований по плаванию, Ёська действовал в воде намного увереннее, чем его могучий противник. Он схватил неуклюже барахтавшегося в воде полицая за ноги и потянул его на дно. После непродолжительной борьбы полицай перестал сопротивляться, и проводив взглядом медленно опускающееся на дно тело, Ёська поплыл под водой к берегу, лишь изредка всплывая на поверхность, чтобы глотнуть воздуха. Растерявшиеся полицайи не сразу открыли стрельбу, и Ёське удалось благополучно добраться до берега. И только, когда он выбирался на берег, он получил несколько лёгких ранений. Коренной житель Могилёва, он без труда оторвался от преследователей и пробрался на территорию гетто.

Сердобольные люди помогли ему разыскать больницу. Где гришка оказал ему необходимую помощь.

А переселение тем временем шло своим чередом. Дома по соседству заполнили новые люди. Любопытный дядя Миша тут же со всеми перезнакомился. Придя как-то с работы, Рувим с Веней застали дядю Мишу в состоянии крайнего возбуждения. Его, буквально, распирало от желания с кем -нибудь поделиться последней информацией.

-Слушай, Рувим, я расскажу тебе последний анекдот, - начал дядя Миша, но покосившись в сторону тёти Сони, добавил, - Нет, это не то, что ты подумала. Знаешь, кого я сегодня встретил? Доктора Кацмана. Их поселили с семьёй в доме покойного Зиневича. Что, ты не знаешь доктора Кацмана? Ну, конечно, у тебя не болят зубы. Зато мы с Соней хорошо знаем доктора Кацмана, дай ему Бог здоровья. Я лечусь у него уже лет двадцать.

Оказалось, что и Веня тоже хорошо знает этого доктора и считает его одним из лучших дантистов города. У него лечилась вся городская элита.

Доктор был рад встретить в это страшное время знакомого человека, которому можно было бы излить душу. Привыкший к благополучной сытой жизни доктор был выдворен из комфортабельного просторного дома и оказался в чужом незнакомом месте, лишённом элементарных удобств, вместе с женой, престарелой матерью и семьями его детей. Теперь ему приходится думать о куске хлеба и беспокоиться за свою жизнь и жизнь своих близких.

Дядя Миша хорошо знал историю семьи доктора. Поэтому всё, что рассказывал доктор, было ему очень понятно. У доктора было двое взрослых детей - сын и дочь. Сын Леопольд был талантливым скрипачом. С детства ему предрекали блестящую карьеру концертирующего музыканта. В 1930 году он окончил музыкальное училище и получил приглашение в Московскую консерваторию. Однако, желая заработать немного денег на мелкие расходы, чтобы не зависеть от скуповатого отца, он устроился на каникулы в один из городских ресторанов, где познакомился с молоденькой официанткой и безумно в неё влюбился. Они сошлись. Отец был вне себя от ярости и требовал, чтобы сын немедленно прервал свои отношения с шиксой. Он давно уже наметил для любимого сына невесту из богатой еврейской семьи. Банальная история, многократно описанная в литературе.

-Я и тогда не мог этого понять, - втолковывал дядя Миша Рувиму, - Что ещё нужно было этому Леопольду? Отец подобрал ему замечательную невесту. Живи - не хочу. Молодая, богатая. А какой ихес! Её происхождению может позавидовать, кто угодно. Дед был раввином, отец - врач - гинеколог, денег куры не клюют. Но вы, молодые, вы разве думаете о жизни? Вы готовы бежать за первой попавшейся юбкой. Вот Леопольд и побежал. Он не послушал отца, несмотря на все его просьбы и угрозы. Тогда отец выгнал его из дома. Леопольду с молодой женой пришлось туго. От консерватории он отказался, доучивался в училище и работал. Снимали где-то угол. Жена забеременела. Когда хозяева квартиры обнаружили, что она ждёт ребёнка, они отказали им в жильё, сказав, что не выносят детского плача. После долгих скитаний молодые были вынуждены проситься к родителям Зины, которые занимали комнату в бараке вместе с её младшей сестрой. Так вот они и жили вместе в тесноте и в обиде.

-Я помню эту историю, поддержал дядю Мишу Веня, - Тогда об этом много говорили.

-Однако, жизнь у них стала постепенно налаживаться, - продолжил дядя Миша, - Леопольд окончил своё училище, стал работать в областной филармонии, неплохо

зарабатывал. Родилась хорошенькая девочка, потом ещё два мальчика. Удалось снять приличное жильё. Доктор Кацман слушать не хотел о сыне и его семье, но однажды они с женой встретили на улице невестку с детьми. Девочка была удивительно похожа на свою бабушку, и сердце у той дрогнуло. Тайком от мужа она стала навещать внуков, приносила им обновки и подарки. Дома она периодически заводила с мужем разговоры о необходимости примирения с сыном. А тот и сам был бы рад сделать это, но боялся “потерять лицо”. Но незадолго до начала войны примирение состоялось, и старики старались наверстать упущенное.

Далее дядя Миша рассказал, как сложилась судьба дочери доктора. Она тоже окончила музыкальное училище и преподавала сольфеджио в музыкальной школе. Подружка познакомила её со студентом минского университета Юрием Войцеховским, приехавшим к родителям на каникулы. Высокий, спортивный, разносторонне развитый, он выгодно отличался от хилых, закомплексованных товарищей Иды по училищу и коллег по работе. Они стали встречаться и к концу каникул были уже неразлучны, и даже познакомили друг друга со своими родителями. После скандала с сыном доктор Кацман не хотел потерять ещё и дочь. Поэтому он встретил Юрия достаточно дружелюбно, особенно, когда он узнал, что его отец - тот самый профессор Войцеховский, автор известных исследований в области белорусской лингвистики. А жену доктора Елену обаятельный молодой человек просто очаровал. Он умел при желании очаровывать женщин. Иду родители Юрия встретили довольно сдержанно, но имя доктора Кацмана тоже сделало своё дело. Юрий вернулся в Минск и продолжил учёбу. Молодые люди активно переписывались, и во время зимних каникул Ида приехала в Минск. Они зарегистрировали брак в одном из минских ЗАГСов. А потом была шумная студенческая свадьба в общежитии университета. Родители были поставлены пререклом фактом. Наученный горьким опытом, доктор Кацман не стал принимать по отношению к дочери карательных мер. Даже наоборот, он помог зятю после завершения учёбы устроиться журналистом в областную газету и получить квартиру в центре Могилёва. Ида родила двоих детей и была преданной матерью. Муж разъезжал по всей области, писал востребованные репортажи о передовиках производства, надоях и процентах перевыполнения планов. При каждой поездке он заводил себе новых собутыльников и новую пассию. Иде об этом регулярно докладывали доброжелатели, но она, стараясь сохранить семью, эти сведения игнорировала. А тут подкралась беда. Профессора Войцеховского арестовали как белорусского буржуазного националиста и выслали в Сибирь. Доктор Кацман использовал все свои связи, чтобы помочь зятю, снискавшему авторитет своими репортажами, удержаться на своём рабочем месте. Кроме того, он помог его матери устроиться на работу в библиотеку, что позволило ей пережить самые тяжёлые годы. В январе 1941 года Войцеховский - старший, отбыв срок ссылки, вернулся домой. Он привёз с собой пошатнувшееся здоровье и лютую ненависть к советской власти. Он не пожелал встретиться ни с кем из прежних знакомых, включая семью доктора, и вёл затворническую жизнь у себя дома.

20 июня у Леопольда произошёл сильный приступ аппендицита. Его прооперировали. Но не очень удачно. Войну он встретил на больничной койке. Из-за этого вся семья осталась в Могилёве. А Юрия Войцеховского призвали в армию, но уже в середине июля он объявился в городе. Домой он не пошёл, а поселился в доме у родителей. Его отец прервал своё затворничество и принял активное участие в создании белорусской газеты, поддерживающей оккупационные власти. Туда же он пристроил и

своего сына. С тем же рвением, с которым до войны он писал о передовиках производства, Юрий стал писать об успехах германского оружия, о возрождении белорусской нации, угнетаемой веками польскими панями и иудейскими захребетниками. С женой и детьми Юрий встречаться не захотел. Когда началась кампания по переселению евреев, Ида сумела встретиться с мужем и умоляла его забрать и спасти детей. Но тот только посмеялся и сказал, что он не уверен, что это действительно его дети, поскольку в них не просматривается ни одной славянской черты. В дальнейшем и Юрий, и его родители всячески уклонялись от контактов с бывшими родственниками. В итоге Ида со всеми детьми оказалась в гетто вместе с родителями, престарелой бабушкой и семьёй своего брата. Жена брата Зина отправилась в гетто вместе со своей семьёй. Леопольд умолял её не делать этого. Но не уговорил.

-Что будет с моей семьёй, то будет и со мной, - заявила она мужу.

-Вот тебе и шикса! - подвёл итог рассказу дяди Миши Гришка.

Только никому не рассказал дядя Миша, чем окончил свой рассказ доктор Кацман. А он сказал, что проклинает себя за то, что своевременно не вывез свою семью в безопасное место. Надо было потратить любые деньги, нанять машину и вывезти больного сына и всю семью. Вместо этого, он уговорил себя, что немцы - цивилизованная нация и что их нечего бояться. Теперь он осознаёт, что ему было жаль расставаться с привычной обеспеченной жизнью, он боялся неизвестности и предпочёл идти по пути наименьшего сопротивления. Тем самым он обрек себя, детей и внуков на неминуемую смерть, в чём он теперь уже нисколько не сомневается. На дядю Мишу эти слова произвели очень сильное впечатление. Он вспомнил, что приводил те же доводы, отказываясь эвакуироваться, и ему стало не по себе. Тогда он впервые в жизни порадовался, что Бог не дал ему детей. А они с Соней прожили, слава Богу, неплохую жизнь. И сейчас, глядя на окружающих его людей, ему стало их отчаянно жаль, жаль себя, и захотелось сказать им что-нибудь ободряющее и весёлое, но впервые он не нашёл нужных слов.

А жизнь продолжалась, если можно было назвать жизнью это существование с постоянно сосущим чувством голода, невозможностью, как следует, отмыться после работы, со страхом за свою жизнь и жизнь близких тебе людей, и распирающим грудь чувством лютой ненависти к нелюдям и их приспешникам, и ощущением бессилия, так как ты не можешь дать им достойный отпор.

Каждый день эсэсовцы и полицаи выгоняли колонны людей на работу, а вечерами загоняли их обратно в гетто. Вместе со всеми шёл на работу Илья, потерявший работу в столярной мастерской. Веня и Рувим ходили на работу отдельно от общей колонны с индивидуальным, так сказать, сопровождением. В последнее время их сопровождал один и тот же полицай. Он молча встречал их по утрам и так же молча приводил их назад. Однажды, сопровождая их с работы, он тихонько обронил:

-Привет от Лизы. Меня зовут Павел. Немцы что-то затевают. Будьте осторожны. Когда что-нибудь прояснится, вас проинформируют. И опять пошёл с непроницаемым лицом.

Обычно раньше всех освобождался от работы Гришка. Он работал в еврейской больнице на территории гетто. Как и прежде, он находился в окружении “девок”, и только слабый “харч”, как он выражался, мешал ему в полной мере реализовать это обстоятельство. Он и дядя Миша были главными источниками информации. Когда маленький коллектив собирался в доме после работы, дядя Миша, ждавший их с

нетерпением, докладывал о происшедших за время их отсутствия событиях и пересказывал циркулирующие слухи. Новости, в основном, касались очередных убийств и грабежей. Всё более упорно поговаривали о предстоящем крупном погроме. Это приобретало особую достоверность в связи с предупреждением, переданным Павлом от Елизаветы Ивановны. Все живо внимали этим рассказам. И только Илья слушал их в полуха. Находясь в общей колонне, он получал там всю эту информацию. Он больше всех страдал от прекращения связи с внешним миром, так как был лишён возможности встречаться с Лорой. До появления гетто он бегал к ней на свидания почти каждый вечер. Это было сопряжено со смертельной опасностью. Можно было нарваться на немецкий патруль или на полицаев, а они после наступления комендантского часа стреляли без предупреждения. На улицах постоянно гремели выстрелы, и ежедневно кого-нибудь подстреливали. Да и встреча с молодчиками из фашистской молодёжной организации Роберта Лейманса, штаб - квартира которой находилась в их бывшей школе неподалёку от Лориного дома, или просто с хулиганами не сулила Илье ничего хорошего. Но несмотря на все советы и предостережения, Илья никого не слушал и при первой же возможности отправлялся в опасный путь. Иногда его сопровождал Рувим. В хорошую погоду Илья и Лора сидели в полисаднике возле дома, прижавшись друг к другу, и слушали, как в соседних садах падают яблоки. Обычно Лора рассказывала последние городские новости, а Илья слушал.. Елизавета Ивановна помогла Лоре устроиться на работу в городскую больницу санитаркой. Это позволяло им с матерью как-то существовать и иногда добывать необходимые матери лекарства. Лора говорила, а Илья слушал звуки её голоса, вдыхал запах её волос, ощущал плечом теплоту её плеча, и всё внутри его трепетало. Но он подавлял нарастающее чувство, боясь обидеть Лору. Незадолго до начала войны Илья провожал Лору домой после очередной прогулки. Прошёл дождь, и на улице образовалась большая лужа, мешающая подойти к подъезду. Лора боялась замочить новые туфельки и растерянно топталась возле лужи, не зная, что предпринять. Илья решительно подхватил её на руки и понёс через лужу. Когда он коснулся своим предплечьем её упругого горячего бедра, ему показалось, что его ударила молния. Всё вокруг перестало для него существовать. Он видел только Лорины глаза, в которых отражался свет уличного фонаря, её губы, слышал её прерывистое дыхание и бешенный стук собственного сердца. Ему отчаянно захотелось целовать её губы, её шею возле маленького уха, её глаза, но он никак не мог на это решиться. Он давно уже миновал лужу, но продолжал держать Лору на руках, забыв обо всём на свете.

-Ильюша! Мы уже пришли. Всё в порядке. Отпусти меня, - сказала Лора потихоньку.

Он так тогда её не поцеловал и тем более не решился сделать это позже, когда на них обрушилось столько испытаний. Рувим, бывая вместе с ними, поражался, о каких будничных вещах они говорят. На самом деле, о чём бы они не говорили вслух, существовал ещё один разговор, который слышали только они одни. Взгляды, касание рук, трепет тела говорили им больше, чем слова. Возвращаясь домой после очередного свидания, Илья готов был совершать безумные поступки, терял всякую бдительность, и присутствие Рувима здесь было, как нельзя более, кстати. И вот теперь это кончилось. Елизавета Ивановна, Николай Иванович, да и сам Илья категорически запретили Лоре подходить к территории гетто. Все дружно решили, что нельзя рисковать и надо дожидаться, когда все смогут, наконец, покинуть город. Подготовка к этому велась, и оставалось лишь набраться терпения, что делать было всё более сложно. И выживать

становилось всё тяжелее. Осень брала своё. Похолодало. Прошли холодные дожди. Порой приходилось идти на работу или с работы под сильным дождём. Одежда и обувь не успевали высохнуть. Ухудшилось положение с едой. Настроение людей было подавленным. В один из таких дней, придя с работы, Веня и Рувим, и пришедшие сразу вслед за ними Илья и Гришка, обнаружили накрытый белой скатертью стол, на котором уютно потрескивали свечи и около которого, сгорая от нетерпения, суетился дядя Миша, расставляя тарелки и рюмки. Насладившись видом изумлённых людей и выдержав паузу, дядя Миша и подошедшие женщины поздравили всех с наступающим Новым 5702 годом и пожелали быть всем записанными в Книгу Жизни. А появление бутылки с наливкой исторгло из глоток поражённых неожиданным зрелищем мужчин восторженный вопль. Довольный произведенным эффектом, дядя Миша сказал, что у него имеется и кое что покрепче, но происхождение этого напитка ему неизвестно. И на свет была извлечена некая бутылка, которую дядя Миша обнаружил в сарае. Женщины сразу стали просить не рисковать и воздержаться от распития неизвестного напитка. Гришка как признанный авторитет снял пробу и заявил, что, хоть это и не ректификат, но напиток вполне безопасный. Веня внимательно осмотрел бутылку, расспросил дядю Мишу, где он её взял, после чего заявил, что знает её происхождение. Начальник участка, где работал Лёва, регулярно получал на технические цели гидролизный спирт. Он хранил её в трёхлитровой банке в своём сейфе. На участке было много энтузиастов, мечтавших до него добраться. Долгое время это никому не удавалось. Однажды в ночную смену двое рабочих бригады электриков в поисках бригадира забрели в кабинет начальника участка. Там никого не было, и рабочие уже было собрались уходить, как в глаза одного из них попал металлический сейф, стоящий в углу комнаты.

-Говорят, что спирт хранится в этом ящике, - сказал он своему товарищу, - Но как до него добраться, ума не приложу.

С этими словами он сильно качнул сейф. Внутри что-то звякнуло.

-Осторожно, Володя, побьёшь! - предостерёг его товарищ.

Глаза у Володи загорелись. Он осмотрелся по сторонам. Увидев урну для бумаг, он осмотрел её, вытряхнул содержимое, протёр чистой бумагой и поставил около стола.

-Петя, глянь, нет ли кого из посторонних. Нет? Ну, тогда давай сюда и помоги перетащить сейф.

Они вдвоём перенесли сейф на стол. Потом Володя резко опрокинул сейф на бок. Находящаяся внутри банка со звоном раскололась. Спирт через щели потёк в подставленную урну. Потом сейф был возвращён на прежнее место, а удачливые добытчики вернулись в свою бытовку, где аккуратно процедили спирт через марлю. За этим интересным занятием и застал их Лёва, случайно зашедший в помещение. Именно эта бутылка спирта была платой за его молчание.

-Таким вот образом, - закончил своё повествование Веня, - Спирт попал к Лёве, и можно смело пускать его в дело.

Это заключение было встречено присутствующими с энтузиазмом. Однако большую часть драгоценного напитка было решено сохранить для экстренных медицинских целей, и лишь небольшая часть была добавлена в наливку. Выпили за то, чтобы дожить до того дня, когда фашистов и их приспешников погонят из Могилёва. Закусывали яблоками и разговорами о том, кто и что ел, празднуя Еврейский Новый Год. Дядя Миша приподнёс очередной сюрприз. Он нашёл и сохранил до праздника единственную морковку, по кусочку которой раздали каждому из участников застолья. Гордый произведенным

эффектом, дядя Миша чувствовал себя именинником. Он пустился в пространные воспоминания о том, какую фаршированную рыбу подавала его мама. Тётя Соня тут же стала доказывать, что сделано это было не по правилам и что фаршированную рыбу следует готовить иначе. Тётя Фрида внесла свою лепту в спор, защищая свой рецепт фаршированной рыбы. Гришка положил конец спорам, резонно заметив, что он сейчас бы не отказался от любой рыбы, особенно фаршированной. Слушая их спор, Рувим вдруг ясно вспомнил, как они семьёй отмечали Еврейский Новый Год три года назад. Отец торжественно читал молитву, мать суетилась возле стола, а сёстры шушукались между собой и чему-то весело смеялись. У Рувима защемило сердце. Судя по тому, что творят здесь фашисты, никого из близких уже может не быть в живых. Страшная тоска охватила его. Неожиданно он заметил, что и остальные участники застолья как-то притихли. То ли вспомнили о своей недавней мирной жизни, то ли закуска оказалась слабоватой для наливки со спиртом, но праздник завершился не очень весело.

Вскоре после праздника резко похолодало. Начался активный листопад. Власти решили привлечь для уборки улиц дополнительную рабочую силу. На работу выгнали всех не работающих ранее стариков. Ослабленных голодом стариков заставили целый день работать на холоде. Дядя Миша и обе женщины, приходя с работы, еле держались на ногах. 30 сентября прошёл сильный дождь. Старики промокли насквозь и продрогли. Ночью у всех троих поднялась температура, начался сильный кашель.

-Вот тебе, бабушка, и Судный День, - бурчал Гришка, усердно растирая старикам грудь и спину оставшимся спиртом.

Затем он укрыл их зимними пальто, а дядя Миша получил дополнительно некоторое количество разведенного спирта внутрь. Гришкины усилия не прошли даром. Старики угрелись, пропотели, кашель прекратился, и они спокойно уснули. Утром дяде Мише полегчало, он встал и принялся, как обычно, суетиться по дому. Женщины же чувствовали сильную слабость и оставались в кроватях. К счастью, работы по уборке улиц были уже закончены, и стариков больше не трогали.

В этот день Павел, сопровождавший Веню и Рувима на работу, сказал, что они поступают в распоряжение коменданта лагеря, размещённого на территории бывшего завода имени Димитрова. Сначала они выполняют срочные работы на самом заводе, а после их завершения будут работать непосредственно в доме коменданта. Лиза передаёт также, что в течение недели их постараются вывести из города. Однако, у неё вызывает беспокойство концентрация полицейских сил в городе. Повидимому, со дня на день следует ждать каких-то серьёзных событий. Илью и Гришку предупредят об этом по другим каналам. Нам постоянно нехватает времени, и немцы нас опережают.

Выяснилось, что Вене и Рувиму предстояло отремонтировать в дежурке печь. Она дымила и плохо разжигалась. После осмотра Веня заявил, что для ремонта потребуется не менее двух дней работы. В ответ ему было сказано, что пока они не завершат работы в полном объёме они территорию лагеря не покинут. Таким образом, связь с внешним миром для Вени и Рувима была временно прервана.

В тот же день, возвращаясь с работы в составе колонны, Илья увидел в группе полицейских, стоящих у входа в гетто, парней, с которыми он ранее дрался. Они вглядывались в лица проходящих мимо людей, явно кого-то разыскивая. Илья поднял воротник, натянул шапку пониже и медленно переместился на противоположный край шеренги. На этот раз ему удалось остаться незамеченным, благо уже наступили сумерки. Дома он рассказал о происшествии Гришке. Тот посоветовал ему не выходить на работу и

постараться покинуть гетто как можно быстрее, потому что раньше или позже недруги его обязательно выловят. Что ещё можно предпринять в этой ситуации, Гришка не мог придумать, а отсутствие Вени и Рувима усиливали беспокойство. Получив от Гришки освобождение от работы по состоянию здоровья и предъявив его Цоресу, который пришёл выгонять его на работу, Илья на следующий день остался дома. Он обратил внимание на беспокойное поведение дяди Миши. Если ещё прошлым утром казалось, что здоровье тётки Сони пошло на поправку, то за сутки оно резко ухудшилось. Лицо побледнело и осунулось, глаза провалились, под глазами появились тёмные круги, вокруг рта резко обозначились складки, щёки приобрели желтоватый оттенок. Взгляд стал отрешённым. Дядя Миша упрашивал её хоть что-нибудь поесть, но она только покачивала головой.

-Не надо, Миша. Я очень устала.

-Устала?

-Устала. Жить устала, - прошептала она.

Дядя Миша заплакал. Тётя Фрида, которая чувствовала себя тоже неважно, сползла с кровати и стала его успокаивать. Встревоженный Илья побежал за помощью к Гришке.

-Завари мяту, - посоветовал Гришка, - И давай ей тёплый чаёк по несколько чайных ложечек через каждые 15 минут. Ой, не нравится мне всё это. У неё произошёл какой-то моральный надлом. Она не борется за жизнь, и это очень опасно. Да и тётка твоя мне тоже не нравится. Повозись с ними, а я освобожусь и приду.

Выполняя указания Гришки, Илья и дядя Миша усердно поили тётку Соню тёплым чаем с мятой. Она послушно проглатывала чай и опять молча откидывалась на подушку. В середине дня прибежал Гришка. Внимательно осмотрев и выслушав тётку Соню трубочкой, он отозвал Илью в сторону и шепнул ему потихоньку:

-Знаешь, дело - дрянь. У неё развилась пневмония. Боюсь, что она не выкарабкается. И вообще, у меня какое-то нехорошее предчувствие. Что-то затевается. Когда я бежал сюда, мне показалось, что у ограды идёт какая-то суета и слышен шум моторов.

В это время слышались громкие голоса и в дверь сильно застучали. Гришка и Илья переглянулись.

-Открывайте! Проверка документов. Открывайте, я знаю, что вы дома!

Илья узнал голос Цореса. Он было направился к двери.

-Не открывай! Быстро в убежище! - скомандовал Гришка.

-Я не могу, - прошептала тётка Соня.

-Тётя Фрида, дядя Миша! Быстрее!

-Мы не пойдём, - ответил дядя Миша. - Что будет, то будет! А вы торопитесь.

Ждать дальше было невозможно. Дверь трещала под мощными ударами и могла вот-вот не выдержать. Гриша и Илья юркнули в подполье и закрыли за собой люк. Пробираясь в дальний конец убежища, они слышали топот ног, крики, резкие команды. Потом в доме всё стихло, а шум, крики, детский плач стали доноситься из соседних домов.

Послышалась стрельба. Так продолжалось до самого вечера. А затем раздался шум моторов, и всё стихло.

Выждав немного, Гриша и Илья вернулись в дом. Стариков не было. Всё в доме было перевернуто, люк в подвал был открыт. Видимо искали, нет ли там спрятавшихся жителей дома.

-Всё кончено! Надо уходить, - произнёс Гриша.

Они опять спустились в убежище и, подождав несколько часов, выбрались в огород за сараем. Прислушались. Было тихо. Выбрались на улицу и пошли, прижимаясь к заборам. Илья вдруг споткнулся о какой-то предмет. Подняв его, Илья понял, что это кукла. С трудом ориентируясь в темноте, они добрались до лаза в ограде, через который мальчишки обычно выбирались за пределы гетто.

Через полчаса они осторожно стучали в окно Лоры. Лора уже знала о прошедшей акции и сказала, что им придётся несколько дней посидеть у неё на чердаке, а затем, когда всё уляжется, их вместе с Веней и Рувимом, находящимся на заводе Димитрова, выведут из города.

2 октября Веня и Рувим работали в дежурке концлагеря. Вечером в лагерь была приведена рабочая колонна, покинувшая гетто утром. Люди не понимали, почему их привели не домой, а куда-то в незнакомое место, и очень беспокоились за судьбу своих семей. Рувима и Веню разместили в бараке рядом с Леопольдом Кацманом. Тот находился в бараке уже несколько дней. По указанию коменданта лагеря он создал небольшой оркестр и все эти дни проводил репетиции. Ещё накануне он жаловался Вене, что не может сообщить семье о своём местонахождении, а после появления рабочей колонны его беспокойство перешло в отчаяние. Веня пытался его успокоить, но Рувим видел, что Веня и сам полн тревоги. А через несколько дней уже стало достоверно известно о произошедшем разгроме гетто и огромных жертвах. Подробности происшедшей трагедии были неизвестны и обитатели концлагеря, не знаящие ничего о своих семьях, то впадали в полное отчаяние, то переполнялись надеждами на благополучный исход. Веня и Рувим тоже очень тревожились за судьбу своих товарищей и надеялись получить какую-нибудь информацию от Павла. Такая возможность им скоро представилась. Они завершили работы в дежурке и были направлены на работу в квартиру коменданта лагеря. По дороге Павел рассказал об акции, которую учинила в гетто 9 рота третьего полицейского батальона. Были уничтожены многие сотни стариков, женщин и детей. Лиза передала, что Грише и Илье удалось спастись, и они сейчас находятся вне гетто. Дядя Миша и женщины, повидимому, погибли. В ближайшее время Павел попытается вывести Веню и Рувима из города.

Известие о кровавой расправе в гетто поступали в лагерь по разным каналам, и уже на следующий день в лагере только об этом и говорили. Почти у каждого в гетто оставались близкие люди, и все были охвачены страшным горем. Не было никаких сомнений, что это только начало, и за этим последуют и другие кровавые акции. Часть заключённых смирилось со своей участью, но были люди, не желающие послушно идти на заклание, как бараны. Эти настроения стали известны администрации лагеря от доносчиков, которых было немало среди заключённых. И она ответила по-своему. Когда рабочая колонна в сопровождении эсэсовцев прибыла вечером в лагерь, было объявлено, что для заключённых по указанию коменданта лагеря организуется “Вечер отдыха”. Тут же полицейские из еврейской службы порядка принялись отбирать участников “Вечера” по заранее составленным спискам. Их загнали в один из цехов, куда уже были доставлены оркестранты. Остальных заключённых, среди которых не оказалось добровольцев, желающих принять участие в “Вечере отдыха”, загнали в бараки. Несмотря на усталость, никто не ложился. Все прислушивались к звукам музыки и нестройному пению, доносившихся из помещения цеха. Затем темп музыки ускорился, пение сменилось криками боли, заглушёнными взрывами громкого хохота. Заключённые в бараках с ужасом прислушивались к этим звукам, не понимая, что происходит.

-Какую пакость придумали эти звери на этот раз? - выразил общее мнение Веня. Казалось, что этот “пир во время чумы” продолжался целую вечность. Наконец, музыка оборвалась. Послышались голоса, топот ног. В барак втащили нескольких участников “Вечера” и бросили их на пол. Сами идти они не могли. Заключённые повскакивали со всех сторон и помогли им добраться до своих мест на нарах. Появился Леопольд Кацман. На нём буквально лица не было. Рувим с Веней помогли ему забраться на нары.

-Звери, звери, проклятые звери! - твердил Леопольд.

-Успокойся, Леопольд. Расскажи, что произошло, - попросил его Веня.

Из бессвязного рассказа Леопольда можно было понять, что согнанных на “Вечер отдыха” заключённых заставили разуться и выгнали на середину цеха, а эсэсовцы расположились в качестве почётных зрителей вдоль стен. Оказалось, что пол цеха был усыпан битым стеклом. Сначала оркестру и заключённым было велено исполнять еврейские песни. Потом оркестру было приказано играть “польку”, а заключённых заставляли танцевать на битом стекле. Уклонявшихся от танцев били плётками и палками. Чтобы ускорить темп музыки оркестрантов подгоняли плётками. Больше всех доставалось Леопольду. В цехе возникла настоящая фантасмагория. Люди, прыгая на битом стекле, кричали и корчились от боли, а наблюдавшие за этим эсэсовцы весело хохотали и аплодировали. Весь пол был покрыт кровью.

Это жуткое представление окончилось только после того, как все “танцоры” были уже не в состоянии больше двигаться. Тогда полицейские растащили их по баракам. Леопольду было сказано, что эти вечера будут повторяться, и в его интересах извлечь соответствующий урок и играть впредь так, как от него требуется.

-Это кошмар! - закончил свой рассказ Леопольд, - Лучше умереть, чем увидеть это ещё раз. Зачем мне жить? Чтобы помогать этим дьяволам, которые убили мою семью? Нет, не хочу! Не хо - чу!

И Леопольд в отчаянии зарыдал. Веня молча гладил его по вздрагивающим плечам и голове. Чем можно было утешить человека, недавно потерявшего всю семью и побывавшего в одном из кругов Ада? Что ждёт в ближайшее время его и остальных обитателей этого лагеря? Очевидно, что почти всех их ждёт неминуемая мученическая смерть. Все это понимают, и большинство смирилось со своей участью, не видя реальной возможности для спасения. И только немногие готовы к сопротивлению, но для того, чтобы его организовать, требуется время и действенная помощь из-вне. Пока, увы, нет ни того, ни другого.

В эту ночь в бараке долго не могли заснуть. Но усталость всё же взяла верх, и заключённые забылись тяжёлым, тревожным сном.

Утром Рувим встал с огромным трудом. После ужасной ночи он был совершенно разбит, а их с Веней ожидал тяжёлый трудовой день. Необходимо было завершить работы в доме у коменданта лагеря, и не ясно, есть ли ещё заказы на их работу. При отсутствии таких заказов их тут же привлекут к общим работам, и тогда их положение и возможность побега резко ухудшатся.

Павел пришёл за ними вовремя, но за пределы лагеря их почему - то не выпускали. Рабочая колонна построилась во дворе и была готова к движению. Эсэсовцы с собаками толпились у ворот. Однако, явно, что-то произошло. Полицейские суетились, раздавались крики, команды. Наконец, после некоторой задержки ворота лагеря отворились, колонна тронулась, и одновременно Вене и Рувиму было дано разрешение покинуть лагерь.

Однако, они были вынуждены задержаться у ворот, чтобы пропустить колонну. Идущий в колонне их сосед по бараку успел крикнуть, проходя мимо:

-Леопольд повесился!

У Рувима сжалось сердце. Он побледнел так сильно, что Веня вынужден был на него прикрикнуть:

-Рувим, возьми себя в руки!

Колонна прошла мимо, освободив им дорогу, и они пошли вдоль заводской ограды, на углу которой возвышалась наблюдательная вышка, в которой дежурил охранник с пулемётом.

-Всё, мы уходим, - сказал Павел, - Посмотрите вперёд, там вас уже ждут.

На некотором отдалении от территории завода на противоположной стороне улицы прогуливалась, беседуя, молодая парочка, в которой Рувим с трудом узнал Лору и Илью. Когда Рувим с Веней и Павлом проходили мимо наблюдательной вышки, сидящий там часовой неожиданно развернул в их сторону пулемёт.

-Пу, - крикнул он и весело захохотал.

Рувиму и Вене эта шутка понравилась гораздо меньше. Они оба покрылись холодным потом. Да и Павлу было не по себе. Он потихоньку выругался матом, но все сделали вид, что ничего не произошло, и проследовали дальше, не меняя темпа движения. Лора и Илья, увидев их приближение, тут же пошли вперёд. Так они и двигались - впереди Лора с Ильёй, а за ними в пределах видимости - Веня и Рувим в сопровождении полица. После часа такой ходьбы, Лора и Илья остановились около какого-то невзрачного дома и кивком головы пригласили проходить во двор, обнесённый высоким глухим забором. Лора и Павел остались у входа, а Веня и Рувим прошли вслед за Ильёй во двор, а затем в стоящий в глубине двора сарай. Там они попали в объятия сияющего, как медный самовар, Гришки.

-Мы вас заждались! Быстро переодевайтесь и вооружайтесь, не мог он удержаться от шутки, - Фёдор нас отведёт в нужное место. Здесь вам следует для профилактики посетить тоже нужное место, и мы двинемся без задержки. Путь не близкий.

К Вене подошёл рослый светловолосый парень с крестьянской внешностью.

-Меня зовут Федей, а Вы, наверное, Вениамин Исаакович? Вас ждут с большим нетерпением.

Веня и Рувим сбросили куртки с шестиконечными звёздами и облачились в деревенские куртки и кепки. В ответ на вопросительный взгляд, брошенный Веней на снятую одежду, Гришка произнёс:

-Не беспокойтесь, хозяин сожжёт.

Затем Гришка вручил Вене и Рувиму по револьверу и посоветовал засунуть их за пояс под курткой. И тут же показал Рувиму, как надо с револьвером обращаться. Взяв в руки оружие, Рувим почувствовал, как в его сознании произошли серьёзные перемены. Теперь он вооружён и, как настоящий мужчина, может за себя постоять. Даже, если ему суждено погибнуть, он погибнет в бою, а не как баран, идущий на заклание.

ПЕРВЫЙ БОЙ

Полные радужных надежд члены маленькой группы во главе с Фёдором пошли по улицам города. Они шли, растянувшись в цепочку. За Фёдором следовали Лора с Ильёй и на некотором расстоянии от них - Павел с Веней и Рувимом. Фёдор вёл их по каким-то малолюдным закоулкам, где нежелательные встречи были маловероятны. Уже на окраине города они почувствовали себя в полной безопасности и пошли дальше, не таясь, одной общей группой. И тут же наткнулись на группу из пяти членов белорусской молодёжной профашистской организации, о чём свидетельствовала их форма. Среди них Рувим и Илья узнали Роберта Лейманса. Все они были вооружены и явно навеселе. Судя по всему, они возвращались после очередной акции. Обе группы сближались, настороженно поглядывая друг на друга и недвусмысленно давая противной стороне понять, что они вооружены и противника не боятся. Роберт что-то сказал своим спутникам, и они проследовали мимо, не решаясь начать боевые действия. Поминутно оглядываясь, но не ускоряя шаг, обе группы разошлись в противоположных направлениях. У Рувима рука, сжимающая рукоятку револьвера, вспотела от напряжения. Дойдя до ближайшего перекрёстка, группа беглецов во главе с Фёдором резко свернула в ближайший переулок, а затем на улицу, параллельную прежней. Опять были приняты некоторые меры предосторожности. Фёдор выдвинулся вперёд и шёл на расстоянии метров семидесяти от остальной группы. Редкие прохожие провожали их настороженными взглядами, но старались держаться от них подальше. Месяцы оккупации сделали людей осторожными, и они предпочитали не иметь никаких контактов с от многочисленной и явно подозрительной группой.

Не встретив больше никаких препятствий, беглецы вышли из города. Фёдор, осмотревшись по сторонам, выбрался на тропинку, идущую в южном направлении параллельно главной дороге. Остальные друг за другом последовали за ним вслед. Тропинка вывела их к лесу, и дальше они шли уже под прикрытием деревьев. Под ногами шелестела опавшая листва и изредка похрустывали попадавшие под ноги сухие ветки. Был ясный октябрьский день. Воздух был чист и прозрачен, слегка подмораживало, и идти было легко и приятно. Издалека глухо доносился шум проезжавших по дороге армейских машин. После пережитых страшных месяцев войны и оккупации казалось, что они попали в какой-то заповедник, где нет войны и все живут мирно и счастливо. Однако, идти пришлось долго. Несколько раз обходили стороной какие-то деревни. К вечеру, голодные и мучимые жаждой, они окончательно выдохлись и вынуждены были сделать привал возле одинокого стожка, застрявшего на полянке, которую пересекала заросшая травой лесная дорога.

- Потерпите немного, - сказал Фёдор, - Ещё немного пройдем и остановимся на ночлег у моего приятеля. Там и перекусим. А сейчас передохните, и двинемся дальше потихоньку.

Все тут же разбежались в разные стороны. Лора ушла в глубь леса, где начинался густой ельник. Мужчины быстро управились со своими делами и разлеглись на охапках сена, вытянутых из стожка. В это время на дороге появилась подвода, которой управлял полицай с винтовкой за спиной. Второй полицай сидел в подводе рядом с двумя девушками и с хохотом приставал то к одной из них, то к другой. Одна из девушек воспринимала его ухаживания равнодушно, а вторая отбивалась и плакала. Подвода свернула на лесную дорогу. Фёдор и его спутники укрылись за стожком и осторожно наблюдали за проезжающими. Подвода поравнялась со стожком, и в это время из ельника появилась ничего не подозревающая Лора. Она была занята приведением в порядок своей

одежды и не обращала внимания на предупредительные знаки, которые энергично делал ей Илья.

-Сцёпка, пабач, дзеука! Адкуль тут дзеука? - закричал в изумлении полицей, сидящий в подводе.

-Стой, падыйдзі сюды! Страляю без усякай гаворкі! - прокричал второй полицей, срывая с плеча винтовку.

-Чакай, Сцёпка. Мы яе і гэтак возьмем.

И первый полицей, отбросив машавшую ему винтовку, соскочил с подводы и направился к Лоре. Увидев наконец опасность, Лора резко повернулась и бросилась бежать в сторону ельника. Полицей устремился за ней.

-У-лю-лю-лю! - закричал ей вслед его товарищ с подводы, хлопая себя руками по бёдрам, и весело захохотал.

Когда первый полицей поровнялся со стожком, на него, как коршун, обрушился Илья, сбил его с ног и стал с остервенением колотить по голове рукояткой револьвера. Оторопев от неожиданности, Стёпка несколько мгновений растерянно наблюдал за этой сценой, но затем пришёл в себя и вскинул винтовку. Но выстрелить он не успел. Почти одновременно раздалось два револьверных выстрела, и полицей рухнул с подводы на землю. Фёдор подбежал к подводе и осмотрел упавшего.

-Готов! - крикнул он своим товарищам, которые в это время пытались утихомирить разъярённого Илью, продолжавшего яростно колотить бездыханного противника.

-Угомонись, Ильюша, он уже мёртв, - уговаривал Илью Веня.

-Ну, Илья, ты силён! Такого быка завалил! - поразился Гришка, пряча револьвер за пояс.

Подошла Лора, которая, обернувшись на выстрелы, стала свидетельницей неожиданной развязки. В это время одна из девушек, сидевших в подводе, соскочила на землю и подбежала к Фёдору.

-Дзядзечкі, ратуйце! Дзядзечкі, дапамажыце! - закричала она.

При виде этой девушки у Гришки загорелись глаза. Несмотря на небогатую крестьянскую одежду, она отличалась особой мягкой красотой. Русые пышные волосы были заплетены в две толстые косы, яркие синие глаза, наполненные слезами, светились, как два фонарика. Короткая домотканная юбка открывала стройные ножки. Она всё время поправляла рукой разорванную блузку, стараясь прикрыть маленькие упругие груди.

-Что случилось, красавица? Чем мы можем тебе помочь? - участливо спросил Гришка, придвигаясь к ней поближе.

Из рассказа девушки по имени Алеся, выяснилось, что убитые полицаи Степан и Тимка Козелы вместе со своими братьями Антоном и Васькой терроризировали всю их деревню. Они выдали немцам председателя местного колхоза и всех членов партии. Они выследили раненого командира Красной Армии, которого укрывал один из их односельчан, и собственноручно повесили обоих. Они настолько запугали крестьян, что те позволяли им творить в деревне всё, что угодно. Братья Козелы обложили односельчан данью, превратили многих девушек в своих наложниц. В нескольких километрах от деревни находится пасека их деда. Туда, в дом деда, они привозят деревенских девчат, пьют самогон и устраивают дикие оргии. Там они хранят целый арсенал различного оружия, которое они насобирали в местах недавних боёв.

-Катя, которая уже имела несчастье побывать там, - и Алеся кивнула на сидевшую в подводе подружку, - говорит, что видела у них даже пулемёт.

Никто из сельчан не осмеливался оказывать им сопротивление. Алесе долгое время удавалось скрываться от этих бандитов. Отец прятал её в укрытии, которое он оборудовал на сеновале. Но сегодня они нагрянули неожиданно. Приехали на двух подводах и сразу же приступили к сбору очередной дани. Тех, кто отказывался отдавать эту дань, они жестоко избивали. Одного упрямого старика они вытащили во двор и приставили к стенке сарая, имитируя расстрел. Испуганная старуха принесла всё, что они требовали, и долго валялась у них в ногах, прося пощадить мужа. Загрузив одну из подвод собранной данью, Антон и Васька прихватили по дороге двух девчат. Одна из них была подружкой Алесино брата, и он встал на её защиту. Братья Козелы вчетвером навалились на него, зверски избили и, связав, бросили на подводу. Васька заявил при этом, что пусть полюбуется, как они будут веселиться с его девкой, а потом они его повесят. Антон и Васька повезли телегу с данью и пленниками на пасеку, а Стёпка и Тимка продолжили рыскать по деревне в поисках своих жертв, заручившись обещанием братьев, без них гуляние не начинать.

Алеся и Катя, которые были свидетельницами этих событий, в ужасе побежали домой, но у самого дома их догнали Стёпка с Тимкой и принялись с хохотом заталкивать их на подводу. На шум выбежал отец Алеси. Увидев, что происходит. Он схватил вилы и бросился на защиту дочери, но был тут же застрелен. Оставив его лежать на улице, бандиты повезли девушек на пасеку, где рассчитывали изрядно с ними повеселиться.

Не остывшие ещё от неожиданного боя все внимательно слушали рассказ девушки.

-Дзядзечкі! - опять взмолилась Алеся, - Ратуйце майго брата, бо гэтыя каты абавязкова яго забьюць.

-Так что же будем делать? - спросил Веня и посмотрел на Фёдора.

-Что делать? - горячо заговорил Гришка, - Да надо передавить гадов! Их то всего двое осталось.

-Легко сказать, - возразил Веня, - Ты слыхал, как они вооружены? Они запросто нас всех положат.

-Ды яны у флігеле гуляюць, а зброя уся у хаце застаецца. Мабыць ужо панапіваліся сваёй медавухі, як свінні, ды з дзеукамі займаюцца, - вмешалась Катя.

-А кто кроме них двоих там есть ещё? - поинтересовался Фёдор.

-Дзед там стары, ды сястра малая. Дзед таксама выпье, ды спіць.

-А собаки? Они не дадут нам даже подойти к дому, - уточнил Веня.

Калі хлопцы гуляюць, сабакі пачынаюць выць. Хлопцы вельмі злуюцца. Таму дзед вядзе іх на другі канец пасекі, каб не першкаджалі гуляць, - ответила Катя.

-Может рискнём? - обратился к остальным Фёдор, - Жаль парня, да и оружие было бы очень кстати. Риск, конечно, есть, но попробовать можно.

-Кто не рискует, тот не пьёт шампанского! - поддержал его Гришка. - У меня руки чешутся избавить мир от этих насильников и грабителей.

Остальные присутствующие тоже высказались за решительные действия. Только осторожный Веня не разделил их оптимизма. Наконец договорились подобраться поближе к пасеке и окончательно решить всё на месте.

Трупы полицаев оттащили подальше от дороги в ельник и, погрузившись на подводу, отправились на пасеку, руководствуясь указаниями Кати.

Добрались до пасеки к ночи. Подводу поставили в лесу метров за двести от дома. Там же под охраной Ильи оставили Лору и Алесю. Остальные вместе с Катей осторожно

подобрались к пасеке. Свет горел только в окнах флигеля. Оттуда доносились громкие разговоры, пение и смех. Катя рассказала о планировке флигеля и дома, и показала, где находятся выходы из них. В это время забрежали собаки. Гришка осторожно подобрался к дому и попытался заглянуть внутрь через окно. Собачий лай усилился. Дверь в дом неожиданно отворилась, и на порге появилась девочка - подросток. Она осмотрелась по сторонам, и ничего подозрительного не заметив, закричала на собак:

-Змоукніце, каб вы павыдыхалі! Змоукніце зараз жа!

Услышав её голос, собаки успокоились. Девочка потянулась, зевнула, отошла к углу дома, за которым прятался Гришка, и стала с шумом мочиться. Дверь флигеля отворилась и оттуда высунулся лохматый дед.

-Хто гэта там счыць, як палкавы конь? А, гэта ты, Зоська! Ну, пісай, пісай, дзетка! И завершив эту глубокомысленную тираду, дед опять вернулся во флигель. Дверь захлопнулась, и во дворе стало опять темно. Гришка тут же бесшумно шагнул к ничего не подозревающей девочке и, зажав ей рот, тихо проговорил:

-Т-с-с-с! Тихо, киска! Если будешь себя хорошо вести, мы тебя не обидим. Говори, кто во флигеле?

-Браты з дзеукамі гуляюць, дзед там ды хлопец нейкі. Акрамя іх няма нікога.

К Гришке подошли его товарищи. Веня попросил Федю и Павла занять позицию возле двери флигеля, Катю отправили подальше от дома, а Рувиму было поручено следить за окнами флигеля.

-Зося, помоги нам, и мы тебя не тронем. Но, если что не так, убьём на месте. Когда мы тебе скажем, позови деда.

И Веня, присоединившись к Фёдору и Павлу, объяснил, как им предстоит действовать. Все, включая Рувима, приготовили оружие. Веня подал сигнал Гришке.

-Ну, давай, Зося, зови деда! - скомандовал Гришка, коснувшись дулом револьвера спины девочки.

-Дзеду! Дзеду, хадзі сюды! - позвала Зося.

Дверь флигеля открылась и на пороге опять возникла фигура едва стоящего на ногах деда.

-Чаго табе?- спросил дед, громко икнув.

Возникший из темноты Веня резко отодвинул деда в сторону и вслед за Федей и Павлом ворвался во флигель. Загремели выстрелы. Неожиданно окно флигеля с треском разлетелось и оттуда прямо на Рувима выскочил крупный парень. Рувим, не целясь, выстрелил в него, потом ещё раз. Тот упал. Сделал попытку встать, но тут же упал опять и затих. Рувим осторожно подошёл к лежащему телу, освещённому светом, падающему из окна флигеля. Пули попали в грудь и голову. Рувим почувствовал, что его бьёт крупная дрожь. Он осознал, что впервые в жизни он убил человека. Но ни угрызений совести, ни сожаления он не испытывал. Только чувство ненависти к убийце и насильнику, и сильное возбуждение.

К Рувиму подбежал Гришка. Увидев, что полицейский мёртв, он похлопал Рувима по плечу.

-Ну, старик, ты молоток! Не сплеховал. Вот теперь ты настоящий вояка.

У крыльца дома горько рыдала Зося, а рядом с ней сидел ничего не понимающий дед, и что-то бормотал и разводил руками. Из флигеля появился Павел. Он вытащил за ноги труп второго полицейского и положил рядом с телом брата.

-Рувим, сбегай, позови сюда Катю и Илью с девчатами, - сказал он.

Рувим побежал к подводе, стараясь не заблудиться в темноте. Услышав шаги, Илья окликнул его и стал с нетерпением спрашивать, как всё было. Взяв лошадь под уздцы, они направились к дому. Рувим по дороге кратко рассказал всё, что ему было известно о произошедших событиях. По дороге к ним присоединилась Катя, услышавшая скрип колёс и фыркание лошади. Около дома их встретил Фёдор Он попросил Катю показать, где братья Козелы держали непокорных пленников. Туда и поместили деда и Зою. А тем временем Веня продолжал спрашивать захваченных пленников о том, что с ними произошло. Выяснилось, что по дороге на пасеку у них произошла поломка, и пришлось сделать вынужденную остановку. В результате, они добрались на пасеку только затемно. Поэтому и к традиционному “гулянию” бандиты на сей раз приступили с большим опозданием и не успели достигнуть необходимого уровня куража, чтобы вплотную заняться девочками. Но они всё же успели заставить девушек выпить по пол-стакана самогонки, и она уже начала действовать. Девушек мутило и клонило ко сну. Веня решил оставить бедняг в покое. Они буквально свалились на кровать и тут же заснули. Алесино брата уже освободили от верёвок, но он был так сильно избит, что не мог передвигаться без посторонней помощи. Его передали под опеку сестры.

Эйфория, вызванная успешным окончанием рискованной операции, прошла. Надо было позаботиться о собственной безопасности и решить, что делать дальше. Как-то получилось, что руководство всеми действиями взял на себя Веня, и все охотно признали его лидерство. Он отправил Рувима и Илью на первое дежурство вести наблюдение за подходами к пасеке. Остальные приступили к тщательному осмотру хутора, в чём им активно помогала Катя. Они с Фёдором явно понравились друг другу, и девушка старалась изо всех сил.

Братья Козелы, действительно, собрали целый арсенал оружия. У них было полдюжины винтовок с большим количеством патронов, около десятка револьверов разных марок, ручной пулемёт, полтора десятка ручных гранат, два пистолета - пулемёта ППШ, правда, без магазинов, и много холодного оружия. У мужчин глаза загорелись от восторга.

-Вы представляете, что нас ждало, если бы мы хоть немного оплошали? - охладил их пыл Веня.

-Победителей не судят! - возразил Гришка, - Всё было продумано.

Веня хмыкнул, но дальше спорить не стал. На хуторе оказались также несметные запасы явно награбленных продуктов и различных вещей.

Осмотр был, наконец, закончен, и все вдруг почувствовали ужасную усталость и голод. Целый день никто не ел. Поэтому решили перекусить, благо на столе оставалась обильная закуска. По настоянию Вени спиртное пить не стали, а сменив караул, поспали несколько часов по очереди, разместившись в жилых помещениях и на сеновале. На рассвете загрузили на подводу оружие, продукты и некоторые тёплые вещи. Особое удовлетворение у Фёдора вызвали соль и сахар. Он сказал, что их теперь днём с огнём не сыщешь. По его совету захватили также пилу, топор и лопату. Несмотря на упорное сопротивление Вени, Гриша уложил в подводу хорошую бутылку самогона, указав на возможность использования его в медицинских целях. Оставив вторую подводу Алесе и Кате и предоставив им возможность самим разобраться с запертыми пленниками, Фёдор, Гришка и их спутники тепло попрощались с девушками, пообещав вскоре с ними ещё встретиться, двинулись дальше. Как и накануне, впереди шёл Фёдор, рядом - подружившийся с ним Гришка, за ними Павел вёл под уздцы лошадь. Лора ехала на

подводе, а Веня и Рувим с Ильёй замыкали шествие. Мужчины были вооружены винтовками, и были готовы к любым неожиданностям.

Впервые за последние дни у Рувима появилась возможность поговорить с другом и расспросить его о событиях в гетто, участниками которых стали Илья и Гришка. Вспоминая, что произошло в тот страшный день 2 октября, Илья сказал, что он никак не может забыть несчастных стариков, у которых не осталось ни сил, ни желания бороться за свою жизнь. Как затем стало известно в городе, их с остальными сотнями стариков вывезли и на следующий день расстреляли. Илья с Гришей не могут себе до сих пор простить, что не сумели преодолеть апатию стариков и не уговорили их спастись. Хотя они предполагают, что старики сознательно принесли себя в жертву, чтобы спасти их с Гришкой. Веня отметил, что в тех обстоятельствах Илья и Гриша действовали совершенно правильно, иначе погибли бы и старики, и они с Гришей. Так что казнить себя им не следует. Илья рассказал также о неблагоприятной роли Цореса. Елизавета Ивановна сообщила, что немцы расстреляли заодно и часть еврейских полицейских, помогавших им и солдатам украинской полиции проводить акцию. Был ли среди них Цорес, Илья не знает. Организовав побег из лагеря Вени и Рувима, Елизавета Ивановна подставила себя, и ей придётся скорее всего оставить своё место в управе. Они с Николаем Ивановичем и Лориной матерью постараются в ближайшее время тоже выбраться из города, но предварительно попытаются вывести из лагеря ещё одну группу заключённых. всё уже подготовлено.

Во время рассказа Ильи перед глазами Рувима, как живой, предстал дядя Миша, зазвучал его хриплый голос, рассказывающий очередной весёлый анекдот. Рувим с горечью осознал, что никогда больше не сможет воспользоваться его мудрыми советами, не почувствует тепло и заботу, которые щедро дарили ему дядя Миша и тётя Соня. Рувим в душе поблагодарил судьбу за то, что она предоставила ему, наконец, возможность мстить за смерть дорогих ему людей. Свой грозный счёт он уже открыл, и если Бог даст, он его приумножит.

Пока Рувим размышлял таким образом, маленький отряд всё больше углублялся в лес. К середине дня они сделали привал, перекусили, отдохнули и двинулись дальше. Во второй половине дня зашли в великолепный сосновый бор. Фёдор дал команду остановиться и подождать его возвращения. Отсутствовал он не долго и вскоре вернулся в сопровождении молодого белозубого парня. Парень имел весьма экстравагантную внешность. Из-под деревенского картуза, сдвинутого на затылок, торчал лихой русый чуб. Телогрейка была подпоясана армейским ремнём. Звезда на пряжке после нескольких месяцев оккупации вызвала радостное удивление. Картину дополняли солдатские штаны и стоптанные сапоги. На груди висел большой полевой бинокль, а с плеча свисал “Шмайсер”. Парень явно хотел выглядеть воинственно и грозно, но этот бравый вид не вязался с доброй белозубой улыбкой и весёлыми озорными глазами.

-Николай Лях, командир разведки! - представился он, приложив руку к козырьку картуза,

Увидев в подводе пулемёт, он восторженно заматерился.

-Ну, ребята, вы молодцы. Начальство будет очень довольно. Следуйте за мной. Вслед за Николаем они вышли на лесную поляну, где приютился небольшой хутор, а рядом в лесу в беспорядке было разбросано несколько землянок, около которых суетились люди. Навстречу прибывшим из одного из домов вышла группа людей. Рувим и Илья с удивлением узнали среди них двух своих преподавателей. Одним из них был

преподаватель математики Матвей Савельевич, с которым когда-то конфликтовал их седьмой класс, и преподаватель труда и начальной военной подготовки Пафнутий Егорович. Он совершенно не изменился с мирных времён, и попрежнему сиял золотом волос, зубов и очков. Оба бывших преподавателя были в сапогах и накинутах на плечи шинелях.

В отличие от окружающих их людей, они оба были гладко выбриты. Рувим невольно посмотрел на своих спутников. Лица Вени и Гришки заросли многодневной щетиной, да и у самого Рувима с Ильёй пробивались редкие бородки.

-Старые вояки! - шепнул Илья Рувиму, - Они оба были кадровыми военными.

Николай, печата шаг, приблизился к Пафнутию Егоровичу и доложил о прибытии пополнения. Тот поздравил с прибытием в отряд “За Родину” и поздоровался со всеми за руку. При этом он подмигнул Рувиму и Илье и негромко сказал, что, когда к ним присоединится Николай Иванович, они будут обязательно проводить еженедельный педсовет. Затем он представил Матвея Савельевича в качестве своего начальника штаба. Тот в это время с интересом разглядывал находящийся на подводе груз. Заметив это, Фёдор доложил о неожиданной операции. Большинство из присутствующих встретило его рассказ одобрительными возгласами, но более опытные Пафнутий Егорович и Матвей Савельевич отнеслись к его рассказу без особого энтузиазма.

-Конечно, хорошо то, что хорошо кончается. Но могло кончиться совсем не хорошо. Федя у нас известный авантюрист, но Вы, Вениамин Исаакович, - человек осторожный и опытный. Как Вы могли пойти у него на поводу? Запросто могли положить своих людей не за понюх табака. И не надо оправдываться. Примите к сведению на будущее. Вы, Вениамин Исаакович, назначаетесь командиром подрывников и поступаете в распоряжение Матвея Савельевича. Он поставит вам ближайшие задачи и познакомит с людьми. Вы, Григорий, приступайте к организации медицинской службы. Вам будет помогать Лора. Вашу резиденцию окончили строить два дня назад, так что обустраивайтесь.

-А что, там удобства во дворе? И ванны нет? Не пойдёт! Возвращаюсь в гетто! - отреагировал с самым серьёзным видом Гришка.

Его шутка была встречена весёлым смехом и разрядила обстановку. Отсмеявшись, командир отряда продолжил:

-Коля, ты забираешь Павла, а хлопцы, - и он кивнул на Рувима и Илью, - Пойдут пока помогать строить жильё. А дальше мы найдём им применение. Я вижу, ребята они боевые, не трусили, в отряде пригодятся. А сейчас все прибывшие отправляются ужинать и отдыхать. Федя вас проводит.

Ночью Рувим лежал рядом с Ильёй на деревянном топчане в одной из землянок, накрытый тулупом. Пахло свежесрубленной сосной, было тепло и спокойно. Впервые за многие дни он не сжимался при каждом постороннем звуке. В землянке все спали. На соседнем топчане кто-то громко храпел, а лежащий рядом Илья вздрагивал и тихонько всхлипывал во сне. Из-за этого Рувим, несмотря на сильную усталость, никак не мог заснуть, но почему-то это его не раздражало. Он лежал и раздумывал о своей жизни. Итак, пройден ещё один этап этой жизни. Что осталось у него позади? Не очень сытное, но всё же достаточно хорошее детство в Лодзи в кругу его семьи, рядом с родителями, любимыми сёстрами и друзьями, прерванное оккупацией фашистами Польши. Отрочество, начавшееся скитаниями по дорогам Польши, с постоянным страхом смерти, с чувством беспомощности и отчаяния. Встреча с добрыми и отзывчивыми людьми,

подарившими ему возвращение к нормальной благополучной жизни, новых друзей и новые интересы. И опять его жизнь была нарушена приходом фашистов, разрушивших и загубивших всё, что стало самым дорогим в его жизни. Теперь его отрочество окончилось. И наступает юность, начало которой уже отмечено убийством человека, одного из врагов, о котором он нисколько не сожалеет, а даже наоборот гордится. Что ждёт его впереди? Впереди будет война. И он, Рувим, постарается не ударить в грязь лицом. В этом он был твёрдо уверен. Придя к такому оптимистическому решению, он завернулся с головой в тулуп и тут же заснул. Спал он крепко, без сновидений.

Лёжа в партизанской землянке Рувим не мог представить, какой долгий и трудный путь ему предстоит пройти и, конечно, не мог знать, что он и Веня, чудом избежав участи десяти тысяч евреев, замученных в Могилёве в 1941 - 1942 годах, не только не погибнут в боях, но не будут даже серьёзно ранены. Что оба они примут участие в партизанском параде в Минске в июле 1944 года, что в том же году Веня будет назначен руководителем строительства крупнейшего в Белоруссии предприятия, а Рувим продолжит службу уже в строительном батальоне. Что сразу после окончания войны судьба забросит его в узбекский город Самарканд, где он познакомится с красавицей Беллочкой и они проживут с ней большую, нелёгкую, но счастливую жизнь, воспитают детей, внуков, дождутся правнуков, а свой шестидесятилетний юбилей совместной жизни они отметят за Океаном. И поздравлять их с этим замечательным праздником будет Валерик, тот самый Валерик, племянник Вени, которого в далёком июле 1941 года увёз эшелон, оставивший Рувима одного в воронке от бомбы.